

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАО ВО Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»
Министерство внутренних дел Российской Федерации
ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт МВД России»
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД

Материалы Международной научно-практической конференции

18-19 июня 2021 года, г. Красноярск

Часть 1

Красноярск 2021

Редакционная коллегия:

*Л. В. Бертовский, д-р юрид. наук, профессор
С. М. Курбатова, канд. юрид. наук, доцент
Е. А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент
И. В. Тепляшин, канд. юрид. наук, доцент
А. Г. Калугин, канд. юрид. наук, доцент
А. Б. Судницын, канд. юрид. наук, доцент
Е. В. Богатова, А. Г. Русаков*

О 13 Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международной научно-практической конференции (18-19 июня 2021 года, г. Красноярск). Часть 1 / Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»; Сибирский юридический институт МВД России; Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2021. – 128 с.

Представлены материалы Международной научно-практической конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход», которая проходила 18-19 июня 2021 года в г. Красноярске и организаторами которой стали Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет», Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт МВД России».

Предназначено для ученых и специалистов образовательных и научно-исследовательских учреждений, представителей органов государственной и муниципальной власти, адвокатуры, иных организаций и учреждений, а также всех интересующихся вопросами правового регулирования уголовного судопроизводства, статуса лиц с ограниченными возможностями, теоретико-правовыми аспектами правоприменительной деятельности в социальном государстве.

ББК 67.409

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода.

© Авторы статей, 2021
© ФГАО ВО Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2021
© ФГКОУ ВО «Сибирский институт МВД России», 2021
© ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», 2021

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕДЬМОГО СОЗЫВА

ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

19 05 2021 г.

№ ПК-4/119

Курбатовой С.М.
66005, г. Красноярск, ул. Ленина, д.
117, 4 этаж, каб. 412.

Уважаемая Светлана Михайловна!
Уважаемые участники конференции!

Тематика научно-практической конференции близка мне как депутату Государственной Думы от партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», которая уделяет повышенное внимание законопроектам, направленным на поддержание социально уязвимых категорий населения, в том числе лиц с ограниченными возможностями. Режим содержания, бытовые условия в местах лишения свободы, рабочие места - это всегда актуально.

Исходя из многолетней практической работы с обращениями избирателей, хотелось бы отметить важность защиты прав когнитивно-уязвимых лиц. В современных реалиях они подвержены повышенному риску уголовного преследования. На престарелых, а иногда и на людей молодых, по документам дееспособных, но реально слабо ориентирующихся в технологиях 21-го века, записывают «фирмы-однодневки», берут невозвратные кредиты. Зачастую они не помнят, какие документы у них попросили, что убедили подписать, пообещав прибавку к пенсии. Нет вокруг родных, нет денег на хорошего адвоката. Это серьезная проблема, её нужно обсуждать и решать.

Я приветствую всех участников конференции! Буду рада получить как итоговые резолюции, так и рабочие материалы ваших, я уверена, плодотворных, профессиональных обсуждений и дискуссий. Надеюсь, что выводы конференции позволят рассмотреть возможность внесения законотворческих инициатив, направленных на улучшение качества жизни социально уязвимых граждан нашей страны.

С уважением

Р.В. Кармазина

**МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНЮСТ РОССИИ)
УПРАВЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ**

Кирова ул., д. 33, Красноярск, 660017
тел./факс (391) 227-75-16, факс (391) 211-04-55
E-mail: ru24@minjust.gov.ru

07 ИЮН 2021

№

24/01-3415

На № _____ от _____

Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Красноярскому краю приветствует участников Международной научно-практической конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход».

Уровень участников: Юридический институт Московского государственного университета им. М.Ю. Ломоносова, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Сибирский юридический институт МВД России и Юридический институт Красноярского ГАУ предполагает заинтересованное отношение к заявленным для обсуждения темам конференции.

Международные договоренности и национальные законодательства диктуют необходимость создания условий, которые должны обеспечивать комфортное пребывание в стране людей с ограниченными возможностями.

Российская Федерация присоединилась к конвенции ООН «О правах инвалидов» (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 № 61/106) в 2008 году и ратифицировала данную конвенцию в мае 2012 года. По итогам колоссальной работы, проведенной в системе нормативно-правовых актов, более 700 документов на международном, федеральном и региональном уровнях претерпели изменения, либо были созданы новые.

В этой связи предстоит обсудить ряд сложных теоретических и практических вопросов понимания правового государства, прав и интересов участников уголовного процесса, лиц с ограниченными возможностями и многих других.

Уверены, что ваша конференция будет способствовать достижению заявленных целей, увеличению вклада в развитие уголовного процесса и судопроизводства, решению общесоциальных задач. Желаем участникам конференции успешной работы!

И.о. начальника Управления

Л.И. Бычкова

От имени руководства и судей Красноярского краевого суда приветствую организаторов, участников и гостей Международной научно-практической конференции «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД».

В современных условиях выбранная организаторами тема конференции, связанная с многогранной оценкой проблем, имеющих в обеспечении прав лиц с ограниченными возможностями в сфере уголовного судопроизводства, и выработкой путей их разрешения представляет интерес как для ученых, профессорско-преподавательского состава и аспирантов высших учебных заведений, так и для практических работников судебных и правоохранительных органов, представителей экспертного сообщества.

Результаты работы конференции могут быть использованы при совершенствовании законодательства, регламентирующего соответствующую сферу правоотношений, а выработанные по ее итогам предложения и рекомендации будут полезны всем участникам и найдут применение в их дальнейшей практической деятельности.

Желаю всем участникам международной конференции конструктивной дискуссии, достижения поставленных целей, плодотворной и результативной работы!

Заместитель председателя
Красноярского краевого суда

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'V.V. Nosov'.

В.В. Носов

Прокуратура
Российской Федерации

Прокуратура
Красноярского края

пр. Мира, 32,
г. Красноярск,
Красноярский край, 660049

Заместителю директора
Юридического института
Красноярского Государственного
Аграрного Университета по научной
работе

Курбатовой С.М.

04 06.2021 № 12-19-2021

На № _____

Уважаемая Светлана Михайловна!

Уважаемые участники конференции! Работники прокуратуры Красноярского края приветствуют Вас и рады принять участие в международной научно-практической конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход».

В настоящее время вопросы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями наравне с иными участниками процесса, а также возможность реализации этих прав на практике приобрели повышенную актуальность.

Хотелось бы отметить необходимость выработки действенных механизмов осуществления данной категорией граждан своих прав, как на досудебной стадии уголовного производства, так и при непосредственном рассмотрении уголовных дел судами.

Развитие правового государства невозможно без решения таких проблем, как определение круга прав потерпевших, свидетелей, подозреваемых (обвиняемых) и иных лиц, имеющих ограниченные возможности; механизмы обеспечения прав указанной категории лиц в процессе реализации ими своих полномочий в рамках расследования уголовных дел и рассмотрения их судом; а также контроль за соблюдением их прав со стороны правоохранительных и судебных органов.

Считаю, что тесное сотрудничество представителей образовательных учреждений, работников правоохранительных и судебных органов позволит продуктивно исследовать и найти пути решения актуальных вопросов компенсаторного подхода к обеспечению прав участников уголовного производства.

Выражаем Вам благодарность за возможность принятия активного участия в работе конференции.

Прокурор края

государственный советник
юстиции 3 класса

Р.Н. Тютюник

АА № 183541

Прокуратура Красноярского края
Тел. Диспет-12/2-628-21/8035-20040001

МВД России

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
по КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ
(ГУ МВД России по Красноярскому краю)**

Курбатовой С.М.

sveta_kurbatova@mail.ru

ул. Дзержинского, 18, Красноярск, 660017

31.05.2021 _____ 3/215405228175
на № _____ от _____

□ О направлении информации □

Уважаемые коллеги! Приветствую Вас по случаю открытия международной конференции, посвященной вопросам обеспечения прав участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями. Благодарю за приглашение принять участие в обсуждении важнейших вопросов, связанных с обеспечением прав граждан в уголовном судопроизводстве.

Важно, что мероприятия в подобном формате с участием докторов юридических наук становятся регулярными, это позволит нам наладить систематический обмен профессиональным опытом. Уверена, что наши дискуссии будут конструктивными и содержательными, а выдвинутые идеи и инициативы получат практическое применение.

Желаю всем успехов!

Врио начальника
Главного следственного управления

Н.А. Юдаева

**МИНИСТЕРСТВО
социальной политики
Красноярского края**

Мира пр., д. 34, г. Красноярск, 660049
Телефон: (391) 229-16-00
Факс: (391) 212-38-90
e-mail: szn24@szn24.ru
<http://www.szn24.ru>
ОКОГУ 2300220, ОГРН 1082468040225
ИНН/КПП 2466212572/246601001

01 ИЮН 2021 № 80-д/49

на № _____ от _____

Об участии в конференции

Заместителю директора
по научной работе Юридического
института ФГБОУ ВО
«Красноярский государственный
аграрный университет»

С.М. Курбатовой

Sveta_kurbatova@mail.ru

Уважаемая Светлана Михайловна!

Министерство социальной политики Красноярского края (далее – министерство) благодарит Юридический институт Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» за приглашение принять участие в международной научно-практической конференции «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход» (далее – конференция).

Считаем важным обсуждение вопросов реализации прав граждан с ограниченными возможностями, в том числе в уголовном судопроизводстве. Полноценное участие в судебных процессах лиц с ограниченными возможностями позволит повысить уровень реализации права на судебную защиту таких лиц, эффективность судебной защиты, сократить расходы на участие в рассмотрении судебных дел.

Кроме того, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» судам следует создавать необходимые условия для обеспечения открытости и гласности судопроизводства и реализации права на получение информации о деятельности судов, в том числе лицами с ограниченными возможностями здоровья, с учетом требований Конвенции о правах инвалидов 2006 года, Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Министр

И.Л. Пастухова

**Секция: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА, СОСТОЯНИЕ**

УДК 141.2

**ИДЕЯ ОБЩЕГО БЛАГА И СПРАВЕДЛИВОСТИ
В УЧЕНИИ АРИСТОТЕЛЯ О ПРАВЕ**

Барина Светлана Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: svetabar2014@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается учение Аристотеля о праве. Обосновывается великий вклад Аристотеля в теорию права, его концепция благоразумия, которая оказала существенное влияние на римскую правовую культуру. В области практической философии и права присутствие Аристотеля является значимым. Полифоническая концепция разума Аристотеля ведет к плюралистической концепции рациональности. По мере распространения и развития глобализации становится очевидно, что неизбежен поворот в мышлении, который приведет к новому пониманию полифонической концепции разума Аристотеля. Новые эпистемологические перспективы в теории права, возникшие в двадцатом веке, не могут быть рассмотрены без их ссылки на Аристотеля.

Ключевые слова: Аристотель, философия, право, рациональность, юриспруденция, общее благо, справедливость.

**THE IDEA OF COMMON GOOD AND JUSTICE
IN THE TEACHING OF ARISTOTLE**

Barinova Svetlana Gennadievna

ph.d. in philosophical sciences, assistant professor

Krasnoyarsk state agrarian university

Krasnoyarsk, Russia

email: svetabar2014@mail.ru

Abstract: The article examines Aristotle's doctrine of law. The great contribution of Aristotle to the theory of law is substantiated, his concept

of prudence had a significant impact on the Roman legal culture. In the field of practical philosophy and law, Aristotle's presence is significant. Aristotle's polyphonic concept of reason leads to a pluralistic concept of rationality. As globalization spreads and develops, it becomes obvious that a turn in thinking is inevitable, which will lead to a new understanding of Aristotle's polyphonic concept of mind. The new epistemological perspectives in legal theory that emerged in the twentieth century cannot be considered without their reference to Aristotle.

Keywords: Aristotle, philosophy, law, rationality, jurisprudence, the concept of nature.

Аристотель является ключевой фигурой в юридической и философской теории. Западная академическая традиция основана на его открытом диалоге с софистами, Сократом и Платоном. Его концепция благоразумия имела наиболее существенное значение для римской правовой культуры и с тех пор Аристотель заслуженно присутствует в теории права. Для Фомы Аквинского он был парадигмой философа, а в настоящее время он рассматривается как мыслитель, который был главным противником Просвещения, а его труды используются для того, чтобы бросить вызов современным способам мышления. Большинство мыслителей все еще предполагают Аристотеля в качестве собеседника. Римское право является основой для множества правовых систем во всем мире, а потому понимание основных философских влияний в сопряжении с римским правом имеет важное значение.

Новые эпистемологические перспективы в теории права, возникшие в двадцатом веке в связи с феноменологией и экзистенциализмом, например, философская герменевтика, риторика, теория аргументации не могут быть рассмотрены без их ссылки на Аристотеля. То же самое верно для юриспруденции, права и литературы, современных теорий естественного права, юридического прагматизма и этики добродетели. Так или иначе, большинство из нас имеет дело с теми же проблемами, с которыми сталкивался Аристотель, и использует некоторые из его теоретических инструментов, чтобы проанализировать их. В области практической философии и права присутствие Аристотеля еще более существенно. В текстах Аристотеля есть примеры практических юридических проблем, которые точно так же используются в основных учебниках для студентов. Это впечатляющий опыт - читать в текстах более 2000-летней давности такие же фразы

по юридическим вопросам. В теории права Аристотель рассматривается в контексте юридического позитивизма и «естественного права». В этих дебатах «позитивисты» представляются немного циничными реалистами, не прибегающими к расплывчатым и идеалистическим концепциям, в то время как сторонники «естественного права» обвиняют позитивистов в том, что они формалисты. Можно предположить, что все, что можно было сказать в этой дискуссии, сказано уже неоднократно. Однако дебаты настолько фундаментальны для юридической мысли, что любое соответствующее изменение в обществе отражается в перестановке аргументов этой дискуссии. В настоящий момент глобализация явно вызывает подобные изменения в обществе.

Эффекты пульсации от действий в наше время невероятно быстро распространяются по всему миру. Временами просто страх перед последствиями порождает всемирную цепочку реакций. Вопрос заключается в том - можем ли мы контролировать эти процессы? Становится ясно насколько органично «позитивное право» связано с государством и в чем заключается его внутренняя слабость. Позитивистам приходится сталкиваться с вопросом - можно ли предотвратить исчезновение государства? Стремительное распространение волновых эффектов человеческого вмешательства приводит к переоценке технических знаний в области прогнозирования, которые до сегодняшнего дня считались высшим достижением современного мышления. Этот тип знаний не помогает справиться с возникновением волновых эффектов в мировом масштабе. Кажется, что нужен совершенно другой тип рациональности, чтобы люди были организованы в мире полном неуверенности и невежества. Это означает, что концепция природы, которая была глубоко трансформирована в начале эпохи Просвещения, в настоящий момент пересматривается. И это повлияет на идеи естественного порядка и «естественного права». Неужели это возможно, что взгляды Аристотеля присутствовали в стольких различных концепциях права и философии на протяжении более 20 веков? Одно из его открытий дает нам ключ к пониманию этого: его полифоническая концепция разума, которая ведет к немонотонной и плюралистической концепции рациональности. Для Аристотеля существуют разные структуры рассуждений, которые приспособливают различные способы, которыми интеллект возбуждается при познании мира - практические, технические, научные или философские. В рамках концепции Просвещения о рациональности, которая стремится к единой науке и единой концепции мира, это откры-

тие Аристотеля не было оценено по достоинству. Некоторые мыслители отклонили точку зрения Аристотеля как нелогичную и позволяющую извлечь из нее все, что угодно. В то время как другие мыслители приложили максимум усилий, чтобы объяснить это расстройство.

По мере развития глобализации становится понятно, что в ней есть зародыш поворота в мышлении, который приведет к новому пониманию полифонической концепции разума Аристотеля. В мировом масштабе неминуемо будет найти варианты приспособиться к плюрализму, но не как к разновидности идеалистической любви к экзотике, а как к реальному условию выживания. Новый взгляд на правовые и философские тексты Аристотеля, предполагает более широкие рамки для понимания практической мысли, юридических рассуждений и политического опыта. Это позволит понять каким образом люди взаимодействуют в современном мире и насколько велика сложность, которая является результатом личной способности людей к индивидуализации и автономии. В отличие от отдельных взглядов эпохи Просвещения и позитивистских теорий права, аристотелевский подход позволяет рассматривать задачу справедливости с присущей нелинейной рациональностью. Он признает пределы рациональности и неизбежную, конституирующую случайность в законе. Все это предлагает необходимый инструмент для понимания изменений, которые глобализация вносит в юридический опыт современности. «Принципиальное значение для истории социально-философской мысли и теории политико-правовых отношений имело открытие Аристотеля, относящееся к разграничению государства и общества» [1; с. 479].

Подробное изучение эпистемологии Аристотеля, а именно взаимосвязь между просвещенным рассуждением и юридическим позитивизмом, отражает возможность зависимости закона от власти. Верховенство закона - принцип, согласно которому все люди и организации в стране, штате или сообществе несут ответственность в соответствии с одним и тем же сводом законов. Верховенство закона исходит из Древней Греции, а точнее, из философии Аристотеля. В своей работе «Политика» Аристотель поднимал вопрос о том, что лучше - руководствоваться лучшим лидером или лучшими законами. Изучая этот вопрос, он обнаружил преимущества и недостатки обоих методов управления. Его вывод, однако, предполагает, что законы подходят для большинства обществ, поскольку они тщательно продуманы и могут применяться в большинстве ситуаций. Следовательно, люди должны руководствоваться лучшими законами. «Основную задачу

государства Аристотель понимал в достижении и реализации «общего блага», а тем самым, в счастливой добродетельной жизни граждан государства» [3; с. 416]. «Говоря о «счастье» и «благоденствии» всех, Аристотель подразумевал в том числе безопасность общества и каждого человека, которую государство должно гарантировать и обеспечивать» [4; с. 80].

Элементы философии Аристотеля вполне полезны в теоретических правовых рассуждениях. В известном отрывке из своей «Этики» Аристотель рассматривает природу справедливости и отношение к справедливости. Его вывод состоит в том, что роль справедливости заключается в том, чтобы не допустить слишком жесткого соблюдения законом своих собственных правил и принципов, когда эти правила и принципы производят несправедливость. Таким образом, справедливость позволяет судьям отходить от правовых принципов в целях обеспечения справедливости. Однако этот вывод настолько проблематичен, поскольку он несовместим с другими утверждениями, которые производит Аристотель как в его кратком обсуждении справедливости в «Этике», так и в других произведениях. Соответственно, новая интерпретация взглядов Аристотеля может более удовлетворительно объяснить связь между законом в его различных смыслах и справедливостью.

Список литературы

1. Баринова, С. Г. Генезис социально-философских концепций власти / С. Г. Баринова // Вестник КрасГАУ. 2012. № 5 (68). С. 477–480.
2. Баринова, С. Г. Власть как онтогносеологический феномен / С. Г. Баринова // Вестник КрасГАУ. 2010. № 8 (47). С. 172–176.
3. Баринова, С. Г., Баринова С. Г. Типы общества и аристотелевское понимание общества / С. Г. Баринова, С. Г. Баринова // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9 (136). С. 413–416.
4. Нагорный, Н. Н. Аксиологическая сущность исторического познания и национальная безопасность России / Н. Н. Нагорный // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 2 (4). С. 80–87.
5. Сычев, А. А. Провокация в истории философии / А. А. Сычев // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 1. С. 113–122.
6. Шмонин, Д. В. Теология и схоластика: грани философских интерпретаций / Д. В. Шмонин // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 64–73.

УДК 141.7:159.9

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОАНАЛИЗА

Бармашова Татьяна Ивановна

доктор философских наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

e-mail: tatibar910@mail.ru

***Аннотация:** В статье анализируются психоаналитические концепции, раскрывающие механизм формирования девиантного поведения личности. Эксплицируется проблема влияния опыта детских лет и других детерминант на данный процесс. Подчеркивается, что асоциальность личности, в том числе противоправное поведение, в значительной степени детерминируются антигуманными средствами воспитания детей, порождая агрессивность, деструктивность, садизм и прочие формы девиантной активности. Актуализируется роль воспитания в становлении правосознания личности и доминанты поведения личности.*

***Ключевые слова:** социализация, психоанализ, сознательное, бессознательное, правосознание, социально-уязвимые лица, девиантное поведение личности.*

THE ORIGINS OF THE FORMATION OF DEVIANT BEHAVIOR OF THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF PSYCHOANALYSIS

Barmashova Tatiana Ivanovna

doctor of philosophy sciences, professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

e-mail: tatibar910@mail.ru

***Abstract:** Psychoanalytic concepts that reveal the mechanism of formation of deviant behavior of the individual are analyzed. The problem of the influence of childhood experience and other determinants on this process is explicated. It is emphasized that a sociality of the individual, including illegal behavior, is largely determined by inhumane means of rais-*

ing children, giving rise to aggressiveness, destructiveness, sadism and other forms of deviant activity. The role of education in the formation of the legal consciousness of the individual and the dominant behavior of the individual is actualized.

Keywords: *socialization, psychoanalysis, conscious, unconscious, legal awareness, socially vulnerable persons, deviant behavior of the individual.*

Социализация личности представляет собой сложнейший неоднозначный процесс. Извечный вопрос, является ли человек от природы ангелом или демоном, до сих пор является предметом споров. Чтобы понять суть этой проблемы, необходимо основываться на важном методологическом постулате, базирующемся на принципе единства биологической, индивидуально-психологической и социальной сторон бытия человека. В этом смысле человек представляет собой интегральную характеристику указанных ипостасей бытия.

Большинство моделей человеческого поведения формируются, как правило, в раннем возрасте. Многие исследователи трактуют поведение человека в психоаналитических рамках, связывая отклоняющиеся формы поведения с психологическими травмами детских лет. Учет опыта детских лет помогает лучше понять характер взаимосвязи индивидуально-психологического и социокультурного содержания бессознательного. Индивидуально-психологические и социальные проявления бессознательного, сформированные в детском и пубертатном периодах развития человека, неизбежно проецируются на общественную жизнь. Этим проблемам значительное внимание уделяет психоанализ.

Как известно, основатель классического психоанализа З. Фрейд определяющим в жизни человека признает принцип вытеснения. Особенно яркими являются вытесненные впечатления детских лет, вследствие чего они в существенной степени влияют на всю последующую жизнь человека. По мнению З. Фрейда, комплекс Эдипа незримо сопровождает человека до последних дней жизни, влияя на выбор спутника жизни, формируя чувство вины, совести и стыда, или наоборот, порождая агрессию к определенным лицам, садизм и другие негативные деструктивные проявления личности.

Подобно З. Фрейду, психоаналитик социокультурного направления Э. Фромм считает вытеснение влиятельным бессознательным феноменом. Однако в противовес З. Фрейду, мыслитель не поддер-

живает экстраполяцию «либидо» на социально-общественную сферу. Под бессознательным он понимает своеобразный общественный фильтр, определяющий, какое содержание опыта может проникнуть в сознание социума. Данный фильтр предполагает логику, язык, обычаи, нравы и многие другие явления культуры. Как указывает Э. Фромм: «Фильтр в каждой культуре различен и детерминирует общественное бессознательное. Препятствование общественному бессознательному стать сознательным, вытеснение определенных импульсов и идей становится важной задачей функционирования общества, так что весь культурный аппарат служит этой цели» [5; с. 81].

Многие негативные формы человеческого поведения мыслитель объясняет негативным опытом ранних лет. С психоаналитических позиций он интерпретирует феномены нарциссизма, страха действия, желания неранимости, чувства одиночества. По его мнению, эти явления детерминирует привязанность к матери, способной обеспечить ребенку состояния благополучия, безмятежности, защищенности, заботы, что отличает его позицию от концепции либидиозных побуждений З. Фрейда. Если ребенок лишен этих проявлений душевной теплоты, он может пойти по пути формирования отклоняющегося поведения. Проявлением вытесненной формы характерологического садизма могут быть объяснены революционная и националистическая ненависть, неосознанная мотивация которых нередко сводится к справедливой мести, к исполнению долга.

Показательным в проблеме комплексов личности, нередко порожденным в детстве, Э. Фромм считает «идол». В этом вопросе он расходится с З. Фрейдом. Основатель психоанализа считал «идол» проекцией отношений между отцом и зависимыми сыновьями в первобытной общине. На этом строятся последующие отношения вождей и народных масс, господ и подчиненных [4]. Э. Фромм же связывает идолообразование с беспомощностью, уязвимостью человека. Следует отметить, что социально-уязвимые люди нередко склоняются к девиантному поведению.

Э. Фромм определяет «идол» как своеобразную умозрительную конструкцию, своеобразный идеал, на который переносятся чаяния субъекта, с характерным для него отсутствием желаемых качеств. Слабый человек отличается более могущественным идиолом. Этот механизм, в значительной степени, присущ детям в силу наличия недостаточных возможностей и зависимости от взрослых, а также психо-

логических состояний страха, подавленности, сомнения, депрессии, чувства бессилия, незащитности и других невротических симптомов.

С позиций негативизма М. Эрдхайм оценивает влияние бессознательного на социум. Социально-общественные проявления бессознательного он интерпретирует как наиболее общее, типичное содержание индивидуального бессознательного, присущее ряду его носителей. В этом он солидарен с К. Юнгом [6]. Но от позиции К. Юнга его отличает понимание субъекта бессознательного, который предполагает общечеловеческое единое содержание этого феномена [3]. М. Эрдхайм же ведет речь о конкретных социальных носителях. Мыслитель фактически односторонне интерпретирует феномен бессознательного, позиционируя его как угрозу устойчивости развития общества. Социально-общественное бессознательное он рассматривает в качестве резервуара, вмещающего весь негатив, способный навредить личности и обществу [7; с. 221-222]. Данная трактовка безусловно предполагает наличие влиятельного начала в психике человека, которое в психоанализе З. Фрейда обозначается «Оно».

Как явствует из изложенного, в целом М. Эрдхайм не дистанцируется от классического психоанализа, объясняя содержание бессознательного, прежде всего, либидиозными и агрессивными стремлениями человека. В основе девиантного поведения он видит механизм вытеснения в ранние годы жизни, который формируется на индивидуально-психологическом уровне и впоследствии сказывается на социально-общественном уровне, определяя в значительной степени последующую жизнь человека. Одним из важных следствий бессознательного М. Эрдхайм считает господство и подчинение как доминанты поведения личности.

Немецкая психоаналитик К. Бассиюни также пытается понять истоки агрессии и связанного с ней социального насилия людей. Исходным пунктом ее теоретической системы является утверждение о том, что модель поведения человека формируется в ранние годы. Причем наше отношение к другим людям определяется тем, каковым оно было по отношению к нам во времена нашего зависимого, беспомощного положения, а именно в детские годы. Именно в этот период жизни слабый ребенок не может дать отпор взрослым, вытесняя в «подкорку» чувства обиды, гнева, желания отомстить. В последующей зрелой жизни эти эмоции перерастают в агрессию, насилие, садизм, провоцируя девиантные формы поведения и порождая противоправное поведение личности. Не случайно говорится, что все мы

родом из детства. Пережитый опыт детских лет неизбежно сказывается на последующей жизни. При этом психоаналитик распространяет вопрос на социальные группы, выясняя, каким образом бессознательное влияет не только на взаимоотношения отдельных людей, но также наций, конфессий и других социальных общностей [2; с. 8]. Здесь важно подчеркнуть преимущество ее позиции по отношению к концепции З. Фрейда, акцентирующего индивидуально-психологическую сторону личности в ущерб социальной подоплеке человеческой активности.

К. Бассиони отрицает концепцию о врожденных стремлениях к разрушительным действиям, так называемый, разрушительный инстинкт, признаваемый классическим психоанализом. В основе войн, терроризма и других форм девиантной активности людей, психоаналитик видит неправильную систему воспитательных средств. Она считает террористов и других асоциальных лиц людьми, у которых уже в детстве отсутствовала внутренняя свобода [2; с. 165]. Для подтверждения данного положения она приводит убедительный пример, касающийся А. Гитлера, которого отец истязал в детские годы, систематически избивая. Как полагает исследовательница, инстинкт агрессии и разрушения, как результат авторитарного воспитания, формирует «очаг раздоров», феномен интроекции врага, асоциальную активность, деструктивность [2; с. 12-14]. Все это и породило невероятную жестокость одного из известных злодеев в истории человеческой цивилизации.

Что можно в целом сказать о роли психоанализа в понимании истоков формирования девиантного поведения личности? Что касается классического психоанализа, одним из его существенных недостатков является абсолютизация механизма вытеснения в процессе жизнедеятельности личности. Важным вкладом социокультурного психоанализа является акцентирование социальной природы бессознательного и его роли в понимании процесса социализации личности. Такой подход позволяет глубже отразить процесс становления личности и формирование доминанты поведения личности, в том числе девиантного поведения. Вместе с тем, социокультурный психоанализ также ограничивается психоаналитическими рамками. Иными словами, хотя имеет место анализ бессознательного в социально жизни, он имеет редуцированный характер, сводя роль бессознательного к деструктивным проявлениям, представляющим угрозу устойчивости развития культуры. В целом фактически не учитывается множе-

ство других факторов человеческой активности, влияющих на формирование вектора поведения личности, положительного или отрицательного. Тем не менее, не следует недооценивать роль психоаналитических концепций, которые без сомнения внесли определенную лепту в понимание детерминант формирования отклоняющегося поведения личности [1].

Список литературы

1. Бармашова, Т.И. Проблема преступности в свете теории бессознательного / Т.И. Бармашова // Философия образования. Новосибирск. 2004. № 1 (9). С. 60-67.

2. Бассиюни, К. Воспитание народоубийц (Власть или зрелость. О принуждении к послушанию и стремление к автономии) / К. Бассиюни. Пер. с нем. А.Д. Пономарева. СПб.: Академ. проект, 1999. 220 с.

3. Петренко, В.Ф. К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма / В.Ф. Петренко // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 89-101.

4. Фрейд, З. Я и оно / З. Фрейд. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 1040 с.

5. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм // Мужчина и женщина. М.: Изд-во АСТ, 1998. С. 129-452.

6. Юнг, К.Г. Аналитическая психология и воспитание / К.Г. Юнг // Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: Олимп, 1997. С. 60-176.

7. Erdheim, M. Die gesellschaftliche Produktion von Unbewusstheit / M. Erdheim. Frankfurt/M.: Daimon Verlag, 1984. 285 s.

УДК 340.1*34.037

**ДОСТОВЕРНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ
АКТОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ**

Богатова Евгения Владимировна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

bogatova.ev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные аспекты содержания правоприменительных актов. Особое внимание в отношении данного вида правовых актов уделяется такому их качеству как достоверность. Устанавливая природу указанного качества правоприменения, автор приходит к выводу о необходимости получения сведений о социальной и правовой действительности, практике функционирования органов власти и принятия решений со стороны уполномоченных лиц. Достоверность актов применения права находится в известной зависимости от социально-правовых процессов, работы судебных органов с фактическими данными и доказательствами.

Ключевые слова: правоприменительный акт, правоприменительная деятельность, достоверность, орган власти, оценка права.

**RELIABILITY OF LAW ENFORCEMENT ACTS:
QUESTIONS OF THEORY**

Bogatova Evgeniya Vladimirovna

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

bogatova.ev@mail.ru

Abstract: The article deals with certain aspects of the content of law enforcement acts. Special attention is paid to such quality as reliability in relation to this type of legal acts. Establishing the nature of this quality of law enforcement, the author comes to the conclusion that it is necessary to obtain information about the social and legal reality, the practice of functioning of government bodies and decision-making by authorized persons.

The reliability of the acts of application of the law depends on the socio-legal processes, the work of the judicial authorities with evidence and factual data.

Keywords: *law enforcement act, law enforcement activity, reliability, authority, assessment of the law.*

Деятельность правоприменительных органов, связанная с установлением обстоятельств произошедшего события, круга лиц и степени их участия (установления статуса потерпевшего, правонарушителя, заинтересованного лица, ответчика, заявителя, эксперта, свидетеля и т.д.), а также анализом (исследованием) действующего законодательства, как в установлении фактов нарушения правовых актов, так и на предмет применения соответствующих правовых средств (например, мер воздействия на виновное лицо, реализации профилактических мероприятий), представляет собой юридическую квалификацию. По своему содержанию юридическая квалификация сложный многоэтапный аналитико-мыслительный процесс, основанный на соотнесении произошедшего реального события с действующими правовыми нормами, результатом которого является акт применения правовых средств (правоприменительный акт). В свою очередь, данный вид правового акта — это индивидуальный властно-распорядительный юридический акт, имеющий установленную форму и установленный конкретным органом или компетентным субъектом, направленный на разрешение конкретного юридического дела (вопроса, обстоятельства, казуса), отвечающий требованиям правовой культуры и воле законодателя.

Правоприменительные акты направлены на сбор (отражение) полных и объективных сведений о произошедших событиях, установление истины, вынесение соответствующих правовых предписаний и решений на основе, полученных данных. Правоприменительный акт должен иметь свое конкретное содержание: субъективные права, юридические обязанности, меры юридического принуждения, ответственности [3; с. 84-85], полнота и объективное состояние которых, в свою очередь, обуславливает результативность претворения в жизнь целей законодателя и качество правоприменения в целом.

Оценочной категорией такого рода актов является достоверность, которую можно представить как социально-правовую категорию, необходимую для оценки правовых явлений (в том числе доказательств), характеристику реального состояния общественных от-

ношений (фактов, событий), отвечающих социальной практике и используемых в организационно-управленческих отношениях, правовой деятельности [5; с. 32]. С позиции доказательств достоверность следует рассматривать как характеристику доказательства, которая затрагивает не столько его форму, а преимущественно его суть, содержание [1; с. 266].

Относительно правоприменительных актов достоверность может рассматриваться с разных позиций: оценки информации (сведений), содержащейся в правовых документах; обоснованности и легальности проводимых процедурно-процессуальных действий (процедур); соответствия способов и методов проводимых правовых мероприятий правоприменителем требованиям действующего законодательства.

Кроме этого, следует оценивать достоверность в процессуальном и материальном (статичном) аспектах. В первом случае устанавливается достоверность правоприменительного акта через призму юридического процесса где присутствуют соответствующие компоненты: наличие реального объекта общественных отношений; фактические способы и методы, оказывающие влияние на качественное изменение системы (объекта); реальность временных затрат; получение действительных данных (изображения) относительно объекта [4; с. 24]. При этом в юридической науке указывается на то, что правоприменение сопровождается вынесением правоприменительного акта и выступает разновидностью юридического процесса [2; с. 66-68]. Во втором случае, достоверность определяется исходя из оценки уже полученных данных (доказательств, сведений, решений) в исследуемой области. Так, например, при соответствующем качестве судебного решения формируется возможность для успешного обжалования (пересмотра) решения суда, иного правоприменительного органа, и, следовательно, реализации и гарантирования законных интересов и прав участников судопроизводства, правоприменительной деятельности в целом [6; с. 144-145]. Помимо этого, собственно, и судебное решение, как особый правоприменительный акт, отвечая требованиям достоверности, объективной реальности, соразмерности социальным процессам и интересам общества, будет достаточно эффективным в вопросах защиты прав и свобод граждан в т.ч. в контексте реализации компенсаторного подхода в законотворческой и правоприменительной деятельности.

В силу обозначенного можно указать на высокую роль качественной оценки правоприменительных актов в системе завершающей правовой деятельности органов власти и компетентных лиц по установлению фактических обстоятельств дела, сбору и оценки доказательств, принятия объективного, законного и справедливого юридического решения.

Список литературы

1. Аверин, А.В. Судебная достоверность (постановка проблемы) / А.В. Аверин. Владимир: Изд-во «Транзит-Икс», 2004. 312 с.
2. Егоров, К.И. Правоприменение как разновидность юридического процесса / К.И. Егоров // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 66-69.
3. Кожевников, В.В. К проблеме юридического содержания и структуры актов правоприменения / В.В. Кожевников // Государство и право. 2017. № 8. С. 83-86.
4. Осинцев, Д.В. К вопросу о категории «юридический процесс» / Д.В. Осинцев // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 23-35.
5. Тепляшин, И.В. Достоверность результатов общественного контроля как условие укрепления законности и правопорядка, эффективного противодействия преступности / И.В. Тепляшин, Е.В. Богатова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII международной научно-практической конференции (2–3 апреля 2020 г.): в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 31-33.
6. Трашкова, С.М. Право на обжалование процессуальных действий и решений как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых / С.М. Трашкова // Наука и бизнес: пути развития. 2015. № 10 (52). С. 144-146.

УДК 340.1

ВОЛОНТЕРСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Воропаева Кристина Евгеньевна

ассистент, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: voropaeva_94@bk.ru

***Аннотация:** В современных условиях социальная функция государства осуществляется посредством различных форм и направлений правовой деятельности. Одной из таких форм выступает институт волонтерства, который реализуется в современной России достаточно недавно. В статье приводятся соответствующие качественные характеристики волонтерства, предлагаются пути решения отдельных проблем его развития в сфере государственного и общественного строительства.*

***Ключевые слова:** волонтерство, социальная политика, гражданское общество, молодежь, студенчество, права граждан.*

VOLUNTEERING AS A SOCIAL AND LEGAL INSTITUTE IN MODERN RUSSIA

Voropaeva Christina Evgenievna

assistant, postgraduate student

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: voropaeva_94@bk.ru

***Abstract:** In modern conditions, the social function of the state is carried out through various forms and directions of legal activity. One of these forms is the institution of volunteering, which is being implemented in modern Russia quite recently. The article gives the corresponding qualities and characteristics of volunteering, suggests ways of solving certain problems in the presented sphere of state and social development.*

***Keywords:** volunteering, social policy, civil society, youth, students, citizens' rights.*

Социальная политика государства обеспечивает полноценное участие граждан в жизни общества, определяет значимые направления реализации личностью своих способностей и интересов. В свою очередь социальные отношения требуют последовательного совершенствования и введения новых правовых инструментов. Одним из востребованных институтов является волонтерство, который закреплен в п. е. ч. 1 ст. 114 Конституции РФ [1]. Под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях исполнения положений федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [2], что указывает на диспозитивный и социально значимый характер рассматриваемого института.

Волонтерство допускает возможность оказания индивидуальной и коллективной, организационной, психологической, правовой и иной помощи гражданам, относящимся, прежде всего, к уязвимым слоям населения (пенсионерам, инвалидам, многодетным семьям и пр.).

При этом волонтерство как социально-правовой институт может осуществляться молодёжью и студенческим сообществом. В орбиту механизма реализации исследуемого института допустимо включать и иных заинтересованных субъектов общественных отношений: представителей территориального общественного самоуправления, трудовых коллективов, общественных объединений правоохранительной, социальной, спортивно-оздоровительной, просветительской направленности [4; с. 26-28], а также субъектов общественного контроля и иных общественных структур.

Основными принципами организации и деятельности института волонтерства являются:

1. Общие принципы: законность, демократизм, высшая юридическая сила Конституции РФ, равенство всех перед законом, взаимная ответственность личности и государства, учет требований правового и социального государства.

2. Специальные принципы: добровольность волонтерской деятельности, вариативность организационно-правовой работы, использование творческого потенциала и активности субъектов (участников), целесообразность и эффективность оказания социальной помощи, сочетание организационно-правовых и информационно-коммуникативных форм деятельности.

Целесообразно указать функции волонтерства как социально-правового института, формируемого и реализуемого в национальной правовой системе:

1. Социально-ориентирующая функция - обеспечивает системную и масштабную социальную помощь населению страны, гарантирует социально-экономические права граждан, формирует наиболее оптимальную модель участия общественных объединений в организационных отношениях.

2. Воспитательная функция – направлена на осуществления правового воспитания участников волонтерской деятельности, формирование высокого уровня правового мышления, правосознания и патриотизма у молодежи и современного студенчества [5; с. 62-64].

3. Коммуникативная функция – позволяет обеспечить необходимое взаимодействие государственных (органов власти, должностных лиц) и негосударственных структур (общественных объединений, трудовых коллективов, инициативных групп и пр.) в системе оказания социальной помощи и защиты граждан.

4. Информационная функция – устанавливает наиболее типичные проблемы реализации социальной деятельности государства, позволяет выявить пробелы, коллизии в процессе осуществления молодежной политики [3].

5. Контрольная функция – позволяет увидеть тенденции развития гражданского общества, выявить недостатки функционирования органов местного самоуправления и соответствующих должностных лиц в контексте взаимодействия с негосударственными структурами, осуществляющими волонтерскую работу.

6. Стимулирующая функция – указывает на выбор возможного направления деятельности субъектов волонтерства в будущем с учетом полученного опыта и умений, что является важной составляющей механизма правового стимулирования [6; с. 92-93].

Важно обратить внимание на гарантии осуществления волонтерской работы и формирования соответствующего общественного движения:

1. Общеправовые, связанные со свободой реализации социальной помощи, возможностью осуществления прав и законных интересов заинтересованных граждан на основе общих принципов права, действующих законодательных и правоприменительных актов.

2. Организационно-управленческие, дают возможность участия федеральным, региональным и муниципальным общественным

структурам заниматься волонтерской деятельностью. С этой целью создаются и действуют, например, Ассоциация волонтерских центров, Общественная палата РФ, общественные палаты и советы регионального уровня и др. Немаловажное значение имеют центральные молодежные общественные структуры: молодежные парламенты и правительства на федеральном и региональном уровнях. Подобную работу координируют и обеспечивают органы власти, среди которых можно назвать: Федеральное агентство по делам молодежи, Комиссия по делам инвалидов при Президенте РФ, Совет при Правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере, Агентство молодежной политики и реализации программ общественного развития Красноярского края и пр.

Основываясь на вышесказанном, можно установить правовую дефиницию исследуемой категории. Волонтерство – это институт гражданского общества, основанный на исходных принципах системного осуществления социальной помощи гражданам, устанавливаемый и гарантируемый со стороны законодательства, государственных и негосударственных структур и способствующий развитию молодежной и социальной политики в российском государстве.

С целью закрепления института волонтерства необходимо разработать и принять федеральный закон, который бы содержал дефиницию исследуемой категории, принципы, формы, гарантии, технологию осуществления. В законодательном акте очень важно закрепить механизм претворения в жизнь инициатив граждан и общественных объединений в социальной сфере [7; с. 101-106].

В итоге институт волонтерства является перспективным институтом гражданского общества, который способен обеспечить эффективность социальной функции государства, гарантировать права человека и осуществление конституционного правопорядка.

Список литературы

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 17 мая 2021 г.).

2. Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

3. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

4. Арутюнян, Т.Г. Правовые основы взаимосвязи физического, патриотического и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения / Т.Г. Арутюнян, В.А. Власов // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5 (185). С. 26-28.

5. Богатова, Е.В. Взаимодействие молодежных общественных структур с государственной властью в Российской Федерации: основные факторы развития / Е.В. Богатова, Н.В. Навродская // Проблемы формирования правового социального государства в современной России. Материалы XVI всероссийской национальной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня основания Новосибирского ГАУ, 2020. С. 62-64.

6. Провалинский, Д.И. Подходы к определению понятия правовой стимул / Д.И. Провалинский // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 90-94.

7. Тепляшин, И.В. Реализация общественных инициатив в конституционной сфере: использование информационно-телекоммуникационных средств / И.В. Тепляшин // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции (20-21 сентября 2019г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. Электрон. дан. Красноярск: общественный комитет по защите прав человека, 2019. С. 101-106.

УДК 316.6

КОГНИТИВНАЯ УЯЗВИМОСТЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТА

Демина Нина Александровна

кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: nndeom@mail.ru

***Аннотация:** В статье исследуется проблема когнитивной уязвимости субъекта в контексте его рациональности. Рассматриваются признаки когнитивной уязвимости в сравнении со спецификой понимания психически здоровой, рационально действующей личности.*

***Ключевые слова:** субъектность, рациональность, психическое здоровье, когнитивные искажения, когнитивная уязвимость, рационализация.*

COGNITIVE VULNERABILITY AND RATIONALITY OF THE SUBJECT

Demina Nina Alexandrovna

ph.d. in philosophical sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: nndeom@mail.ru

***Abstract:** The article examines the problem of cognitive vulnerability of the subject in the context of his rationality. Signs of cognitive vulnerability are considered in comparison with the specifics of understanding a mentally alert, rationally acting personality.*

***Keywords:** subjectivity, rationality, mental health, cognitive distortions, cognitive vulnerability, rationalization.*

Современное общество порождает множество факторов, оказывающих негативное влияние на психику человека, в том числе, на его когнитивные способности. Экономические кризисы, болезненные социальные трансформации, усугубившиеся влиянием пандемии, явля-

ются фактором риска для психики индивида, ставят под угрозу рациональность его мышления и поведения.

Классическая теория субъектности исходит из понимания человека как разумного, а, следовательно, и нравственного существа. Моральное и законопослушное поведение индивида является следствием его рациональности. Именно мудрость, разумность является основанием нравственного поведения: подобная установка была заложена еще в этическом рационализме Сократа.

В эпоху Нового времени происходит закрепление представления о человеке как, прежде всего, о разумном существе, получившее концентрированное выражение в знаменитом изречении Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую» и положившее начало философскому рационализму. Рационализм или панлогизм достигает своего апогея в немецкой классической философии в известном лозунге Г. В. Ф Гегеля «Все действительное разумно, все разумное действительно».

Однако, в 19 в. начинается кризис классического рационализма, выражающийся либо в отрицании значимости разумной деятельности человека, либо в признании ограниченности разума, его детерминированности (социальными факторами – К. Маркс, Э. Дюркгейм, бессознательными факторами – З. Фрейд).

С конца 20 в. мы сталкиваемся с ситуацией тотальной критикой разума в рамках постмодернизма

В философии, социальной психологии 20 в. активно поднимаются темы здорового общества, социально и психологически здоровой личности. Отклонение от общепринятых норм поведения, неспособность к социальной адаптации, зачастую, связано с наличием неблагоприятных социальных факторов. Ключевым аспектом «социально здорового» человека является его способность действовать рационально, рациональность может быть понята как измерение психического здоровья.

В первой половине 20 века в качестве важнейшей тенденции общественного развития классик социологической мысли Макс Вебер выделяет рационализацию как процесс воплощения принципов социальной рациональности, проявляющейся в рациональной капиталистической экономике, рациональной религии (протестантизм), рациональном праве, рациональном управлении – бюрократии [2].

Тезис о все возрастающей рационализации общества разделяется. Исследователь рассматривает структуру социальной коммуника-

ции и ее особой формы - дискурса - как формы рациональной аргументации.

И Вебер и Хабермас говорят о дифференциации типов рациональности: Вебер – выделяя типы социального действия, Хабермас – типы дискурсов. Обе типологии дифференцируют разум относительно ценностей Истины, Добра и Красоты.

Субъект социального действия понимается данными исследователями как рациональный субъект. Однако, исследователи отмечают и факторы, препятствующие рациональному мышлению и поведению: аффекты, иррациональные заблуждения, включенность в неистинную, искаженную коммуникацию, в которой на субъекта может быть оказано давление того или иного рода. Для преодоления подобных искажений и самозаблуждений Ю. Хабермас говорит о необходимости в обществе психотерапевтического дискурса как неотъемлемой части социальной коммуникации [4].

Очевидно, что когнитивные искажения, ошибочные убеждения, приводящие к неадаптивному, а, следовательно, нерациональному поведению субъекта, формируют его когнитивную уязвимость, которая может быть понята как совокупность когнитивных паттернов, детерминирующих идиосинкразическое отношение пациента к самому себе, собственному будущему и своему текущему опыту [1].

Исследуя когнитивные предпосылки депрессии, А. Бек формулирует концепцию когнитивной триады, компонентами которой являются негативное отношение пациента к собственной персоне; склонность к негативной интерпретации своего текущего опыта; негативное отношение к собственному будущему [1].

Определяя признаки когнитивных искажений, исследователи должны отталкиваться от моделей психически и психологически здоровой личности.

Согласно парадигме фрейдизма, зрелость личности проявляется в способности продуктивно работать и создавать удовлетворительные межличностные отношения.

В рамках концепции теории социального научения признаком адекватности и психического здоровья субъекта является его самоэффективность как способность выбирать поведение, способное обеспечить достижение поставленной цели (А. Бандура, М. Селигман).

В рамках теории самоактуализации А. Маслоу признаком личностного роста является сдвиг относительной значимости потребно-

стей от наиболее примитивных (физиологические и потребности безопасности) к наиболее возвышенным или наиболее «человеческим» (в истине и красоте) [3].

Критерии оценки психического здоровья, анализ способности субъекта к полноценной социальной коммуникации – существенный вопрос современных теорий личности. По нашему мнению, для полноценного понимания данной проблемы необходимо обращение к философским концепциям субъектности, исследующим проблему рационального поведения человека.

Список литературы

1. Бек, А. Когнитивная терапия депрессии / А. Бек, А. Раш, Б. Шо, Г. Эмери. СПб.: Питер, 2003. 304 с.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер / М.: АСТ, 2021. 352 с.
3. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. СПб.: Питер, 2003. 608 с.
4. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / Habermas, J. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. Bd. 1. 533 s. Bd. 2. 640 s.

УДК 340.12*351.84

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Игнатенко Владимир Александрович
преподаватель

**Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнёва,
г. Красноярск, Россия**
e-mail: ignatenko.well@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные тенденции социальной политики в Российской Федерации в связи с проведенной в 2020 году конституционной реформой. Автором проведено исследование с точки зрения теоретико-правового подхода в исследовании данной проблемы.

Ключевые слова: государство, Конституция России, общество, правовая культура, социальная политика, тенденция.

THE MAIN TRENDS OF THE STATE'S SOCIAL POLICY IN THE CONTEXT OF THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Ignatenko Vladimir Alexandrovich
lecturer

**Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russia**
e-mail: ignatenko.well@mail.ru

Abstract: *The article examines the main trends of Social Policy in the Russian Federation, in connection with the Constitutional Reform carried out in 2020. The author conducted a study from the point of view of the theoretical and legal approach to the study of the problem.*

Keywords: *State, Russian Constitution, Society, Legal Culture, Social Policy, trend.*

В настоящее время особое внимание как научного сообщества, так и всей прогрессивной общественности направлено на взаимоотношения государства и общества. От уровня этого взаимоотношения зависит не только качество жизни общества. Само существование государства невозможно без его тесной взаимосвязи с обществом и опорой на него. К примеру, В.М. Корельский подчеркивает, что «от широты социальной базы государства, активности общества при его поддержке зависят устойчивость, сила и мощь государства, способность решать встающие перед ним задачи» [5; с. 125].

Так, еще «с начала зарождения и развития человеческой цивилизации протекал процесс сращивания отдельных групп индивидуумов в устойчивое социокультурное образование – общество», для которого «связующим элементом, приведшим к созданию первичного антропогенного социума, явилась культура» [10; с. 158]. При этом общество – «эта сложная саморазвивающаяся система связей людей», представляющее собой «внутренне противоречивый организм». Устранять противоречия внутри общества и регулировать возникающие в нем разногласия способна лишь особая система социальных норм, именуемая «правом», и специальный институт организации по-

литической власти в обществе, именуемый «государством» [5; с. 27, 38-50].

Так, рассматривая современную правовую политику российского государства, следует отметить, что она ориентирована на социализацию жизни российского общества. А, правовые основы социальной политики государства, заложенные в Конституции России, направлены «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (часть 1 статьи 7).

На практике это проявляется в том, государство осуществляет защиту материнства и детства, гарантирует социальное обеспечение «по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом» (часть 1 статьи 38 и часть 1 статьи 39).

Кроме этого, государство берет на себя обязательства по обеспечению указанных гарантий в социальной сфере (часть 1 статьи 45).

Помимо этого, в 2020 году в Конституцию России внесен ряд изменений, затрагивающих дальнейшее развитие социальной политики государства, как за счет возложения на институты государственной власти дополнительных обязанностей (пункты «в» и «в.2» статьи 114), так и упрочение самой системы публичной власти.

Например, «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики России и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» формируется Государственный Совет Российской Федерации (пункт «е.5» статьи 83) [1].

Предметом исследования данной статьи являются основные тенденции социальной политики, заложенные в поправках в Конституцию Российской Федерации, вступившие в законную силу в 2020 году.

В свою очередь, объективную оценку основных тенденций социальной политики государства можно дать только во взаимосвязи с правовой культурой всего российского общества.

Так, с точки зрения этимологии, понятие «тенденция» (от латинских слова *tendere* – «направляться», «стремиться», «склоняться») означает «направление развития, склонность, стремление» [11; с. 768].

Далее, анализируя новую редакцию Конституции России, следует отметить, что в ней нашли свое место как изменения, затрагиваю-

щие новое понимание ряда социокультурных явлений общественной жизни, так и изменения, способные качественно изменить социальную политику всего государства, к ним, относятся следующие изменения:

Во-первых, впервые введены понятия «культура как уникального наследие ее многонационального народа» и «общество», ранее указанная категория трактовалась как «народ» или «многонациональный народ» (части 1 и 2 статьи 3, часть 4 статьи 67 и пункт «м» статьи 71).

Во-вторых, впервые ставится вопрос создания условий «для взаимного доверия государства и общества», организация «социального партнерства», осуществления «мер поддержки институтов гражданского общества... их участи в выработке и проведения государственной политики», «социального партнерства в сфере регулирования трудовых отношений» (статья 75.1, пункты «е.1» и «е.4» статьи 114).

В-третьих, перед Правительством Российской Федерации ставятся задачи по обеспечению проведения «социально ориентированной» государственной политики. А также перед ним ставятся задачи по обеспечению «функционирования системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их социальную интеграцию без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни» (пункты «в» и «в.2» статьи 114).

В-четвертых, указано, что для создания «благоприятных условий жизнедеятельности населения» требуется проведения природоохранных мероприятий, «создание условий для развития системы экологического образования граждан, воспитание экологической культуры» (пункты «е.5» и «е.6» статьи 114).

И, в-пятых, впервые вводятся понятия «публичная власть», «организация публичной власти» и «единая система публичной власти». Кроме этого предусматривается введение правового механизма «согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти», в том числе в вопросах «определения основных направлений... социально-экономического развития государства» (статья 67, часть 4 статьи 68, часть 2 статьи 80, пункт «е.5» статьи 83, часть 3 статьи 131, часть 3 статьи 132 и статья 133) [1].

Кроме этого, можно отметить как новую тенденцию социальной политики государства, создания новых государственных органов,

правовой статус которых предусмотрен внесенными поправками в действующую редакцию Конституции Российской Федерации [8].

Речь, в частности, идет о создании указанного ранее Государственного Совета Российской Федерации, который из совещательно-консультационного органа при Президенте страны [3], преобразовался в координационный орган единой системы публичной власти, формируемый для «определения... приоритетных направлений социально-экономического развития государства» [2].

Таким образом, в ходе конституционной реформы 2020 года, в действующую редакцию Конституции Российской Федерации, внесен значительный объем поправок, которые, в своей совокупности, способны не только улучшить социальное обеспечение населения страны, но и вывести всю социальную политику государства на качественно новый уровень.

В настоящее время научный интерес в изучении конституционного регулирования правовой жизни российского общества и внесения в нее конституционных поправок, в том числе, в вопросах эффективности социального регулирования правовой жизни общества, проявляют многие современные ученые, например, такие как А.Б. Абазов [4], А.Н. Медушевский [6], Т.Н. Михеева [7], Н.В. Стус, Е.А. Кулишенко [12], И.В. Тепляшин [13].

Однако наибольшую озабоченность вызывает проблема, вытекающая из экономических возможностей реализации самой социальной политики государства [2]. Так, проблема реализации социальной политики может возникнуть в процессе правоприменительной деятельности, вследствие отсутствия экономических возможностей государства для этого. В таком случае, государство будет вынуждено либо использовать средства резервного фонда, либо ужесточать налоговую политику и размеры штрафов за правонарушения, вводить новые санкции, позволяющие, в итоге, пополнить бюджет государства и пр.

Таким образом, пополнение государственного бюджета, для реализации государственной политики, в том числе и социальной политики, будет осуществляться в большей степени за счет средств рядовых членов общества, что, в конечном итоге, не будет способствовать общественному процветанию.

Представляется, что сама политика государства, а в первую очередь ее социальная политика, должна идти по пути индустриализации экономики, «освоения новых территорий, созданием дополнительных рабочих мест», по пути, на котором «государство берет на себя обя-

занность обеспечить право каждого гражданина на труд и борьбу с безработицей» [9; с. 53].

И, в заключении следует отметить, что любое изменение, внесенное в Основной закон государства, влияет на правовую культуру российского общества, так как при этом меняется механизм правового регулирования в общественной жизни, однако не все вносимые изменения способны качественно улучшить его социально-экономическую сферу. Так, по мнению А.П. Семитко, правовая культура общества рассматривается как качественная характеристика оценки его «правовой жизни», в контексте описания и объяснения «правовых ценностей, идеалов и достижений в правовой сфере, отражающих объем прав и свобод человека и степень его защищенности в данном обществе». В свою очередь «качественное состояние правовой жизни общества» выражается «в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания» [5; с. 340-344].

Поэтому, можно констатировать, что конституционной реформой 2020 года в действующую Конституцию государства, как в основополагающий юридический акт, заложен значительный потенциал, дающий возможность как для дальнейшего совершенствования социальной политики государства, так и для улучшения качества правовой жизни российского общества. При этом, по мнению И.С. Яценко «справедливую Конституцию можно рассматривать как формализованный критерий саморазвития человека, общества, государства в их постоянном стремлении к общественному идеалу» [14; с. 154].

Поэтому, ответ на вопрос о том, насколько эффективным инструментом в руках государства послужат внесенные в Конституцию России изменения и станут ли заложенные в ней тенденции социальной политики государства новым толчком для движения российского общества к «общественному идеалу», даст только время и те качественные изменения правовой жизни общества, которые в нем произойдут.

Список литературы

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 11 декабря.

3. Указ Президента РФ от 01.09.2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 36. Ст. 3633.

4. Абазов, А.Б. Конституция Российской Федерации 2020 года как гарант социальной защиты в современном государстве / А.Б. Абазов // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 408-409.

5. Алексеев, С.С., Архипов, С.И., Игнатенко, Г.В., Корельский, В.М. и др. Теория государства и права: Учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Издательство НОРМА, 2000. 616 с.

6. Медушевский, А.Н. Переход России к конституционной диктатуре: размышление о значении реформы 2020 года / А.Н. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3 (136). С. 33-50.

7. Михеева, Т.Н. Обновление Конституции России: что ожидать государству и обществу / Т.Н. Михеева // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 277-285.

8. Игнатенко, В.А. Конституционная реформа 2020 года и ее влияние на правовую жизнь российского общества / В.А. Игнатенко // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4-2 (94). С. 88-91.

9. Игнатенко, В.А. О некоторых аспектах влияния Конституции Российской Федерации на правовую культуру российского общества / В.А. Игнатенко // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник статей по материалам XXVI международной научно-практической конференции № 9 (25). Новосибирск: ООО «СибАК», 2019. С. 49–56.

10. Игнатенко, В.А. Социальные регуляторы первобытнообщинного строя и правовая культура современного российского общества: теоретико-правовой аспект / В.А. Игнатенко // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 2. С. 157-167.

11. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. М.: Эксмо, 2009. 944 с.

12. Стус, Н.В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в контексте конституционной реформы 2020 года / Н.В. Стус, Е.А. Кулишенко // Оригинальные исследования. 2020. № 10. С. 5-10.

13. Тепляшин, И.В. Развитие институтов гражданского общества в контексте внесения поправок в Конституцию России / И.В. Тепляшин // В сборнике: Енисейские политико-правовые чтения. Сборник научных статей по материалам XIII Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 2020. С. 368-372.

14. Яценко, И.С. Конституционное право Российской Федерации / И.С. Яценко. М.: Бератор-Пресс, 2003. 496 с.

УДК 340.1

МЕСТО И РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Карташов Владимир Николаевич

доктор юридических наук, профессор

**Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия**

email: kartazov@uniyar.ac.ru

Аннотация: В статье кратко рассматривается понятие «правоприменительной технологии» и её логическая структура. Основное внимание уделяется юридическим принципам, входящим в стратегию правоприменения.

Ключевые слова: правоприменительная технология, логическая структура, стратегия, юридические принципы, прогнозы, планы.

THE PLACE AND ROLE OF LEGAL PRINCIPLES IN MODERN LAW ENFORCEMENT TECHNOLOGY

Kartashov Vladimir Nikolaevich

doctor of law, professor

**P. G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia**

email: kartazov@uniyar.ac.ru

Abstract: The article briefly discusses the concept of "law enforcement technology" and its logical structure. The main focus is on the legal principles that are part of the enforcement strategy.

Keywords: *law enforcement technology, logical structure, strategy, legal principles, forecasts, plans.*

*«Вы должны повторять себя очень часто,
чтобы не противоречить самому себе»*
Президент Международной ассоциации философии права
Е.В. Булыгин

В отличие от подавляющего большинства отечественных и зарубежных авторов, под *правоприменительной технологией* я понимаю основанную на соответствующих принципах, планах и прогнозах (стратегия) систему интеллектуальных и внешне актуализированных юридических действий компетентных лиц и органов, связанную с принятием по конкретному делу персонально адресованных и индивидуально определенных обязательных решений (актов), в ходе которой используются необходимые ресурсы, средства (техника), способы и правила (тактика), процессуальные формы, соответствующие оценки и виды контроля (мониторинга) за правоприменительной деятельностью в целом и/или отдельными её блоками [5; с. 3-34, 6; с. 21-23].

Основными *компонентами логической структуры* современной правоприменительной технологии являются: а) объекты (предметы), а именно «обрабатываемые продукты» (определенные социально-правовые случаи и ситуации, отдельные их части, юридические дела, правовые предписания и юридические документы, права и обязанности, нужды, потребности, интересы и блага, иные позитивные и негативные факты, имеющие юридическое значение для субъектов и участников правоприменительной практики); б) сами субъекты («производители»), которыми выступают компетентные в той или иной сфере правоприменения должностные лица (либо органы) и участники, которых представляют конкретные люди, (не) владеющие необходимыми знаниями (политическими, управленческими, правовыми и др.), наделенные соответствующими умениями, навыками, мастерством, обладающие интуицией и определенным профессиональным опытом; в) активные интеллектуальные и внешне актуализированные действия (операции) субъектов и участников (например, судей, прокуроров, обвиняемых, их защитников, потерпевших, их законных представителей, свидетелей, специалистов, экспертов и др.) правоприменительной деятельности, направленные на разрешение конкретного юридического дела субъектов и участников правоохрани-

менительной технологии; г) совокупность общесоциальных, технических и специально-юридических средств (техника); д) система способов, приемов, правил и методов оптимального использования названных средств (тактика); е) принципы, планирование и прогнозирование деятельности образуют ее стратегический элемент (стратегию); ж) специальные для каждой разновидности правоприменительной практики процессуальные формы (стадии, производства и режимы); з) результаты («продукты») правоприменительной практики и технологии (например, судебные постановления и определения, другие правоприменительные документы); и) критерии, характеризующие уровень качества правоприменительной практики и технологии в целом и/или отдельных её компонентов; к) показатели степени эффективности различных действий и операций, выносимых актов, разнообразных видов и методов мониторинга и контроля; л) механизмы вступления, пролонгации, отмены, изменения и пр. в юридическую силу правоприменительных действий и операций, решений и документов; м) ресурсообеспеченность правоприменительной практики и технологии как в полном ее объеме, так и отдельных ее элементов, в которую включают оптимальные человеческие, материальные, организационные, финансовые, научные, правовые и иные затраты; н) необходимые виды оценок и мониторинга за соответствием качества и эффективности действий и операций субъектов и участников, принимаемых ими решений и документов, процессуальной формы их деятельности законности, справедливости и иным принципам права [5, 6, 13, 14].

Представители Ярославской юридической школы «теоретиков права» (В.Н. Карташов, Д.С. Котомин, Д.Д. Мещеряков и т.д.) и другие отечественные учёные (М.Л. Давыдова, А.М. Илясов, Т.В. Кашанина, И.В. Колесник и т.д.) в целом уже более или менее подробно рассматривают различные элементы правоприменительной технологии [3, 4, 11, 12].

Особое внимание хотелось бы уделить юридическим принципам, которые, по моему мнению, наряду с планированием и прогнозированием субъектами своей правоприменительной деятельности [17, 18], составляют важнейшую часть правоприменительной технологии.

Различные типы, виды и подвиды правоприменительной практики и технологии (нотариальная, правоохранительная, судебная и др.) должны основываться на трех группах юридических принципов:

доктринальных, практически-прикладных и принципах права [7; с. 158-166]. Последние являются *фундаментальными нормативно-руководящими началами, общеобязательными требованиями (императивами), обеспечивающими высокое качество и эффективность правоприменения.*

Не заостряя подробно внимание на специфических чертах и содержании всех указанных принципов, выскажем отдельные суждения о наиболее общих принципах, которые являются фундаментальной основой для любой разновидности правоприменительной технологии [8; с. 316-319, 9; с. 151-153]. Одним из важнейших является принцип законности. Он предполагает, что все субъекты и участники правоприменительной практики и технологии должны, во-первых, принимать решения в пределах своей компетенции; во-вторых, строго и неукоснительно следовать в своей деятельности предписаниям конституций, различных законов и подзаконных нормативных правовых актов; в-третьих, требовать исполнения и соблюдения нормативно-правовых предписаний от иных участников процесса. Являясь ключевым, общим принципом правоприменительной практики и технологии, он не лишается своей специфики в конкретных ее разновидностях.

Принцип *гуманизма* проявляется в том, что правоприменительная практика всегда обязана быть нацелена на удовлетворение идеальных, материальных и иных потребностей и интересов личности, своевременное и точное исполнение его прав, свобод и обязанностей, быть важнейшим средством охраны и защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека.

Многогранным является принцип *юридического равенства граждан перед законом и любыми субъектами и участниками правоприменительной технологии*, который закрепляется, например, в ст. 19 Конституции РФ, ст. 1 СК РФ 1995 г. и ст. 4 УК РФ 1996 г.

Все правоприменительные практики и технологии базируются, чаще всего, на принципе *гласности* (см., например, ст. 115 Конституции Республики Беларусь, ст. 10 ГПК РФ 2002 г.), который предусматривает открытое разрешение дел всеми органами и должностными лицами, за исключением ситуаций, когда это не соответствует интересам личной, семейной, государственной либо коммерческой тайны.

Принцип *справедливости* «есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам» (*justitia est constans et perpetua volun-*

tas suum cuique tribuere). Обычно о нем говорят в случаях привлечения лица к юридической ответственности и применения наказания. Но не в меньшей мере справедливость нужна и при назначении награды.

Презумпция невиновности (omnis indemnatus pro innoxis legibus habetur - каждый неосужденный рассматривается правом как невиновный) и *право на юридическую защиту* имеют строго определенное содержание в уголовном судопроизводстве. Как указывается в литературе, эти принципы имеют более широкое содержание. Презумпция невиновности – это разновидность презумпции добропорядочности граждан, презумпции их невиновности не только в совершении преступной, но и любой другой противоправной деятельности.

Точно также право на защиту должно быть адресовано не только обвиняемым (подсудимым) в уголовном процессе, но и потерпевшим, любым гражданам, права, свободы и интересы которых нарушены правоприменительными органами.

В судебной технологии действует принцип независимости судей и подчинения их только закону (ст. 120 Конституции РФ), который имеет здесь специфическое содержание и назначение. Но никто, видимо, не станет отрицать, что, по существу, он есть проявление более общего принципа. Последний можно сформулировать как принцип *независимости и подчинения только закону* (требованиям права) *любого субъекта правоприменительной технологии при рассмотрении и разрешении любого юридического дела*. Иная постановка вопроса способствовала бы теоретическому оправданию вмешательства различных лиц в правоприменительную практику уполномоченных на то субъектов.

Одним из важнейших фундаментальных принципов, в первую очередь в части административной правоприменительной практики, является принцип *оперативности*. При этом следует учитывать, что, с одной стороны, «закон не одобряет промедления» (mora reprobatur in lege), а с другой – «festinatio iustitiae est noverca infortunii» (торопить правосудие – значит призывать несчастье). Каждое юридическое дело обязано быть рассмотрено и разрешено не только верно и в соответствии с нормами права, но, согласно этому принципу, с минимальным употреблением людских, трудовых, финансовых и иных затрат. От разумных сроков (ст. 6¹ ГПК РФ) рассмотрения дела зависит экономический и социальный результат, превентивное и воспитательное его значение, ликвидация негативных явлений, эффективное

исполнение обязанностей и использование прав гражданами и их организациями.

Принцип *объективной истины* предполагает полное, всестороннее и объективное рассмотрение и разрешение любого юридического дела. Римские юристы считали, что «*justitia non novit patrem nec matrem; solum veritatem spectat justitia*» – «правосудие не знает ни отца, ни матери; правосудие взирает только на истину».

Очень важно закрепить указанный принцип в уголовно-процессуальном законодательстве (*о дискуссии по этому вопросу см. [1, 15]*). Следственный комитет РФ направил в Государственную Думу проект ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [1]. В пылу полемики Следственный комитет РФ был признан «рассадником реакционных идей, которые грозят подорвать основы конституционного строя России... Системная деградация институтов уголовно-процессуального права продолжается, что чревато системным государственно-правовым кризисом. ... К сожалению, в виду непрофессионализма окружения главы государства, – пишет А.С. Александров, – грозящая нам опасность не осознаётся» [2; с. 156].

В эпатажности и непристойности автору статьи, конечно, не откажешь. Но есть и другие мнения по этому поводу. Так О.С. Сычёва пишет, что презумпции истинности для суда являются приоритетны. «Не менее значима – продолжает автор, – презумпция истинности приговора и для субъектов предварительного расследования, поскольку они непосредственно связаны с проблемой быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений и установления объективной истины по делу. В методологическом плане исследуемая презумпция опирается не только на процедуру судебного следствия, но и на процессуальные формы всех предшествующих судебному разбирательству стадий процесса, равно как и стадии последующих» [16; с. 4].

На мой взгляд, всем участникам дискуссии нужно исходить из философского (материалистического или идеалистического, диалектического или метафизического) понимания истины. Это, во-первых. Во-вторых, рассматривать её следует в качестве теоретического и практического процесса познания и его результата, исходя из понимания, что истинна в юриспруденции бывает практической и логической, полной и неполной (ограниченной), абстрактной и конкретной, абсолютной и относительной, экзистенциальной и концептуальной,

операционной и прагматической. научной и обыденной, правовой и неправовой, юридической и фактической, индивидуальной и коллективной. Между тем главный здесь момент заключается в том, что истина носит объективно-субъективный характер в любой правоприменительной практике и технологии (следственной, судебной и др.). Без этого важного принципа никакого правового, демократического и социального государства и общества построить нельзя [10; с. 58-59].

Существуют и иные принципы (демократизма, состязательности, коллегиальности, профессионализма субъектов, единства свободы и ответственности, вины и др.), обеспечивающие высокое качество и эффективность правоприменительной технологии.

Таким образом, указанный технологический подход в современном цифровом и информационном обществе позволяет более глубоко и обстоятельнее, с учетом современных достижений отечественных и зарубежных наук (философских, социологических, технических, математических, криминалистических и иных юридических) исследовать правоприменительные технологии, определенные их типы, виды и подвиды, отдельные их компоненты (технику, тактику, стратегию, ресурсообеспеченность и пр.). Свидетельством тому является создание и развитие государственных электронных сервисов «Правосудие» – для судов общей юрисдикции, «Мой Арбитр» – для арбитражных судов, система избирательных технологий (электронные бюллетени, «Мобильный избиратель», и ГАС «Выборы»).

Список литературы

1. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением институтом установления объективной истины по уголовному делу» // Сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения 25.05.2021).
2. Александров, А.С. Состязательность и объективная истина / А.С. Александров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 142-157.
3. Давыдова, М.Л. Юридическая техника: проблема теории и методологии / М.Л. Давыдова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.
4. Илясов, А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Илясов. Саратов, 2008. 30 с.
5. Карташов, В.Н. Техника, тактика и некоторые другие элементы правоприменительной технологии / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. Науч-

ный журнал / глав. ред. В.Н. Карташов. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2012. Вып. 11. С. 3-34.

6. Карташов, В.Н. Судебная технология: сущность и характеристика отдельных элементов / В.Н. Карташов // Российский судья. 2015. №2. С. 21-23.

7. Карташов, В.Н. Принципы права: понятие, структура, функция / В.Н. Карташов // XXI форум «Юртехника»: «Система принципов Российского законодательства: техника закрепления, интерпретация, реализация». Ежегодник. Н. Новгород, 2020. № 14. С. 158-166.

8. Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие в 2-х томах / В.Н. Карташов. Ярославль: ЯрГУ, 2005. Т. 1. 547 с.

9. Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества: учебник / В.Н. Карташов. М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2020. 283 с.

10. Карташов, В.Н. Принципы уголовного процесса: некоторые дискуссионные аспекты и проблемы / В.Н. Карташов // Вопросы факта и права в юридической деятельности. Сб. науч. ст. Ярославль: ЯрГУ, 2020. 240 с.

11. Кашанина, Т.В. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 496 с.

12. Колесник, И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: монография / И.В. Колесник. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 633 с.

13. Котомин, Д.С. Технология лоббирования в правотворческой практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 34 с.

14. Мещеряков, Д.Д. Правоприменительная тактика. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. 192 с.

15. Смирнов, Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины, как цели доказывания / Г.К. Смирнов // Уголовный процесс. 2012. № 2. С. 10-16.

16. Сычёва, О.М. Презумпции истинности приговора в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 31 с.

17. Тихомиров, Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография / Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2017. 240 с.

18. Тихомиров, Ю.А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие. / Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018. 168 с.

УДК 340.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ И ЕГО АКТОВ

Кожевников Владимир Валентинович

доктор юридических наук, профессор

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,

г. Омск, Россия

email: kta6973@ramber.ru

***Аннотация:** В статье рассмотрены ряд особенностей правоприменения в правоохранительной сфере. В частности, автор коснулся субъектного состава правоприменительной деятельности, а также его участников (потерпевших, свидетелей и др.), от правовой активности которых во многом зависит эффективности правоприменительной деятельности. Обращается внимание на профессионально-психологическую культуру субъектов, применяющих нормы права, на нормативную основу правоприменения, особенности его стадий, структуру правоприменительных актов.*

***Ключевые слова:** применение права, правоохранительная сфера, участники правоприменительной деятельности, нормативная основа правоприменения, структура актов правоприменения.*

FEATURES OF LAW ENFORCEMENT IN THE LAW ENFORCEMENT SPHERE AND ITS ACTS

Kozhevnikov Vladimir Valentinovich

doctor of law sciences, professor

Omsk State University F.M. Dostoevsky,

Omsk, Russia

email: kta6973 @ ramber.ru

***Abstract:** The article discusses a number of features of law enforcement in the law enforcement sphere. In particular, the author touched upon the subject composition of law enforcement activities, as well as its participants (victims, witnesses, etc.), on whose legal activity the effectiveness of law enforcement activities largely depends. Attention is drawn to the professional and psychological culture of law enforcement entities, to the*

regulatory framework of law enforcement, and its peculiarities. stages, structure of law enforcement acts.

Keywords: *application of law, law enforcement sphere, participants of law enforcement activity, normative basis of law enforcement, structure of acts of law enforcement.*

Представляется, что особенности правоприменения в правоохранительной сфере обуславливаются спецификой последней, которая связана с фактами совершения правонарушений. К сожалению, приходится констатировать, что первые зачастую не учитываются современными учеными-теоретиками. Итак, о каких специфических особенностях идет речь?

1. Субъекты и участники правоприменения в правоохранительной сфере. Во-первых, это касается субъектов правоприменения, которыми выступают только компетентные правоохранительные органы (полиция, прокуратура и т. д.) и их должностные лица. Не трудно заметить, что в данном случае нами исключаются иные субъекты, которые упоминаются авторами при формулировании правоприменения. Так, В.И. Червонюк утверждает, что «применение права — это властная деятельность органов государства, их должностных лиц и иных уполномоченных субъектов» [6; с. 517].

Во-вторых, правоприменение в правоохранительной сфере объективно актуализирует роль и значение его участников (потерпевших, свидетелей, понятых и др.), позитивная правовая активность которых во многом определяет эффективность данной правовой деятельности. Однако, приходится констатировать, что это не учитывается учеными при анализе системы факторов эффективности правоприменения. Например, Е.А.Мамай, характеризуя условия эффективности, относящиеся к субъективной стороне правоприменительной процедуры, указывает что «проблематика эффективности правоприменительных процедур в части их субъективной стороны ограничивается в основном проблемами учета мотивации участников процедуры и оказания влияния на нее в целях оптимизации течения процедуры» [4; с. 125].

2. Профессионально-психологическая культура правоприменяющих субъектов. Необходимость учета правоактивного поведения участников правоприменительного процесса предполагает наличие у сотрудников правоохранительных органов профессионально-психологической культуры, которая, наряду с профессионально-правовой, профессионально-нравственной и другими частями, опре-

деляет профессиональную культуру соответствующих лиц. Психологическая подготовка должностных лиц правоохранительных органов, предполагающая арсенал тактических приемов, способствует повышению правовой активности участников правоприменения, направленной на раскрытия и расследования преступлений, рассмотрения административных дел. Отмечая, что правоохранительная деятельность насыщена экстремальными ситуациями, существенно влияющими на личность и ее деятельность. А.Ф. Караваев замечает, что в экстремальных условиях сотрудникам приходится выполнять чрезвычайно сложные задачи, требующие от них отдачи физических, психологических и духовных сил. Поэтому все они несут повышенную меру моральной ответственности и нуждаются в психологической устойчивости, самообладании, уверенности в себе [1; с. 4].

3. Нормативная основа правоприменения в правоохранительной сфере. Зачастую ученые-теоретики не учитывают, что нормативная основа в указанной сфере не ограничивается только нормами права. Так коллектив авторов – Т.Н. Радько, В.В. Лазарев и Л.А. Морозова, полагая, что «правоприменение – это решение конкретного дела, жизненного случая, определенной правовой ситуации; приложение правовых норм к конкретным лицам и обстоятельствам», подчеркивает, что в качестве наиболее типичного случая применения права можно указать на деятельность суда по рассмотрению дела и вынесению соответствующего решения [5; с. 272]. Полагаем, что в данном случае нормативную основу правоприменения составляют не только юридические нормы, но и нормы морали, традиций, обычаев и других неюридических регуляторов общественных отношений, которые в ряде случаев требуют учета со стороны правоприменяющего субъекта. В.В. Лазарев совершенно обоснованно замечает, что «в некоторых случаях эффективность правоприменительного акта будет зависеть исключительно от того, насколько верно субъект применения права учитывает сложившиеся обычаи, сформировавшиеся нравственные требования, нормы общественных организаций, насколько точно он устанавливает факты нарушения названных правил соответствующими лицами» [3; с. 138].

4. Стадии правоприменения. Что касается стадий правоприменительной деятельности в правоохранительной сфере, обращают внимания на себя особенности: а) очередность стадий правоприменения имеет весьма условный характер, ибо, например, зачастую имеет место переквалификация преступлений, либо возобновление произ-

водства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшийся обстоятельств. Комментаторы УПК РФ полагают что «возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств – это одна из исключительных стадий уголовного процесса, в которой соответствующий вышестоящий суд производит проверку законности и обоснованности приговора и иных судебных решений, вступивших в законную силу» [2; с. 782]; б) стадия установления фактических обстоятельств в обязательном порядке предполагает процесс доказывания, т. е. логической деятельности по установлению и предоставлению доказательств, участие в их исследовании и оценке. С помощью доказательств воспроизводится тот или иной фрагмент действительности, осуществляется реконструкция обстоятельств, необходимая, в соответствии с требованием объективной истины, для применения норм права. Ученые-процессуалисты, полагая, что процесс доказывания – это процесс установления истины по уголовному делу, осуществляемый для решения задач уголовного судопроизводства, обращают внимание на то, что судебная практика свидетельствует о том, что пробелы и недостатки в доказывании являются одним из наиболее распространенных оснований отмены вышестоящими судами приговоров с направлением уголовных дел на новое рассмотрение, а также их прекращения [2; с. 221]; в) учитывая что правоприменение в правоохранительной сфере может весьма существенно ограничить права и свободы граждан, здесь актуализируется такая стадия правоприменения, как доведение вынесенного решения до заинтересованных лиц. В частности, данной стадии правоприменения в правоохранительной сфере посвящены ряд статей УПК РФ. Например, ст. 216 «Ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с материалами уголовного дела», ст.217 «Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела», ст. 345 «Провозглашение вердикта» и др.

5. Структура актов правоприменения в правоохранительной сфере. Особенность выражается и в структуре соответствующих актов правоприменения, которые, наряду с другими структурными частями, включает доказательственную, которая как бы «вклинивается» в описательную формируется в такой редакции: «это подтверждается, например, протоколом допроса, очной ставки и т.д.».

В заключение отметим, что названные особенности правоприменения в правоохранительной сфере должны обязательно учиты-

ваться при изучении соответствующей темы, особенно в высших учебных заведениях полиции, прокуратуры и иных силовых ведомств, готовящих юристов-практиков.

Список литературы

1. Караваев, А.Ф. Основы профессионального становления специалистов-сотрудников органов внутренних дел: монография / А.Ф. Караваев. Омск: Омская академия МВД РФ, 2003. 296 с.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Волтерс Клувер, 2008. 944 с.
3. Лазарев, В.В. Эффективность правоприменительных актов / В.В. Лазарев. Избран. труды в 3-х томах. М.: РИО «Новая юстиция», 2010. Т.1. Закон. Законность. Применение закона. 648 с.
4. Мамай, Е.А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника): монография / Е.А. Мамай / под науч. ред. В.А. Толстика. М.: Юрлитинформ, 2012. 224 с.
5. Радько, Т.Н. Теория государства и права: учебник / Т.Н. Радько, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова. М.: Проспект, 2012. 568 с.
6. Червонюк, В.И. Теория государства и права: учебник / В.И. Червонюк. М.: ИНФРА-М., 2006. 704 с.

УДК 140.81

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ «СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ ЛИЦ»

Круглова Инна Николаевна

доктор философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: inna_krug@mail.ru

***Аннотация:** В статье анализируются антропологические основания маргинализации определенных групп людей в процессе общественного взаимодействия. При помощи исследований Р. Жирара и Ж. Бодрийяра выявляется механизм отчуждения «социально уязвимых лиц», основанный на жертвенном замещении взаимной агрессии*

и его коллективном переносе на людей, обладающих виктимными признаками.

Ключевые слова: коллективное насилие; жертвенные практики; социально уязвимые лица; Р. Жирар; Ж. Бодрийяр.

ON THE QUESTION OF THE ANTHROPOLOGICAL NATURE OF «SOCIALY VULNERABLE PERSONS»

Kruglova Inna Nikolaevna
doctor of philosophy, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: inna_krug@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the anthropological grounds for the marginalization of certain groups of people in the process of social interaction. With the help of the research of R. Girard and J. Baudrillard reveals the mechanism of alienation of "socially vulnerable persons", based on the sacrificial substitution of mutual aggression and its collective transfer to people with victim characteristics.*

Keywords: *collective violence; victimized practices; socially vulnerable persons; R. Girard; J. Baudrillard.*

В нашей статье мы попытаемся прояснить антропологическую природу того, что можно было бы назвать локализацией «социально уязвимых лиц» в обществе. Другими словами: каковы антропологические основания маргинализации определенных групп людей в процессе взаимодействия людей? Для ответа на этот вопрос предложим теорию, получившую широкое хождение не только в культурной и социальной антропологии, но и в других областях гуманитарного знания – теорию жертвенного кризиса Р. Жирара [4]. Дело в том, что, как выяснили антропологи, за данными процессами маргинализации стоят, так называемые, жертвенные практики. Еще Э. Дюркгейм показал, что за этими практиками стоят функции сплочения и объединения людей в единое целое – то, что придает обществу единство, стабильность, самоидентичность.

Особенность исследований Жирара состоит в выявлении социальной природы жертвенных актов. Такие акты, считает Жирар, направлены на выполнение центральной функции любого челове-

ского общества – коллективный перенос, вызванный теми внутренними напряжениями, неизбежно присутствующими в рамках любого коллектива. Иначе говоря, всеми очагами взаимной агрессии, возникающими во взаимодействии людей. Коллективный перенос взаимной агрессии перераспределяет силы, энергии, сосредотачивая их на определенной «жертве». Тем самым, позитивные стремления направляя на социальное единство и сплочение, а негативные реакции сосредотачивая на «избранных» [7].

Жиран определяет у жертвенных актов четкую задачу – они защищают не индивида, а сразу весь коллектив от порождаемого им самим насилия. Стремление «всех» против «одного» и есть процесс обнаружения или порождения «жертвы», которая тут же отчуждается, наделяясь виктимными признаками. А там, где есть вина – есть и возмездие, в процессе которого в обществе восстанавливается социальный порядок [5, 8].

Интерес к феномену жертвенности происходит из того, что он проясняет особенность «антропологической реальности». Как полагал Ж. Батай, именно через жертвенные акты человек обнаруживает и обосновывает собственную «человечность» [1]. По выражению французского философа, в жертвоприношении человек уничтожал в себе животное, оставляя существовать некую идеальную истину. Ж. Батай говорит о том, что через жертвенные акты происходит осознанность конечного существования человека и открытие им своей особой реальности.

Способность к жертве, считает Батай, принадлежит природному бытию человека и свидетельствует о психосоматической зависимости от бессознательных актов, полагающих смысловой порядок вещей [2]. Однако, Жиран в этом вопросе спорит с Батаем и утверждает: способность к жертвенности выражает социокультурную сущность человека и говорит о его особой, символической, а не природной, реальности?

В природе, считает Жиран, нет ничего такого, чтобы напоминало жертвенные акты, которые присущи только человеку. Жертвоприношение принадлежит исключительно символическому бытию, выражая именно человеческие отношения. «Искать секрет жертвоприношения, жертвенного разрушения, игры и траты в законе рода, – согласен с Жираном Бодрийяр, – значит по-прежнему все это функционализировать. На самом деле одно даже близко не отстоит от другого. Нет ничего более общего между эротической избыточностью и сексу-

ально-репродуктивной функцией, нет ничего общего между символической избыточностью смерти и биологическим распадом тел» [3; с. 281].

Итак, основываясь на рассуждениях Р. Жирара и Ж. Бодрийяра, сделаем выводы: жертвенные акты носят социокультурный характер и действуют в истории по мере оформления социальных связей. Жертвенность есть, прежде всего, способ символического и коммуникативного обмена между людьми, акты установления различий в социальной дифференциации. Коллективное насилие или агрессия есть постоянный эквивалент, курсирующий во взаимоотношениях людей, функционирующий в качестве условия воспроизводства социальных и культурных институтов. Оно свидетельствует о том, что жертвенные акты в истории человечества являются факторами устойчивости господствующей социальной системы [6].

Возвращаясь к нашей теме, укажем: природа жертвенных актов, лежащая в основании антропологической реальности, необходимым образом порождает маргинальные социальные ниши, за счет которых общество укрепляет свои позиции и «оздоравливает» внутренние отношения. Механизм, который действует в этом «перераспределении» – это механизм перенаправления коллективного насилия, или агрессии, не на раскачивание социальных отношений, а на отдельных членов общества, отчуждаемых по принципу «свой – чужой», в результате чего социальный актер только крепче «привязывается» к системе социальных взаимодействий.

Список литературы

1. Батай, Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение / Ж. Батай // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 245-269.
2. Батай, Ж. Из «Слез Эроса» / Ж. Батай // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 269-311.
3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
4. Жирар, Р. Насилие и сакральное / Р. Жирар – пер. с франц. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 448 с.
5. Конникова, Л.Ю. От любви к врагу – к любви к себе / Л.Ю. Конникова // Критика насилия: proetcontra [Электронный ресурс]: материалы региональной научной конференции, посвященной Всемир-

ному дню философии (21 ноября 2019 г., Красноярск). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. С. 35-39.

6. Круглова, И.Н. Жертвенность как институция и ее радикальное преобразование / И.Н. Круглова // XX Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Великая победа: наследие и наследники» XX. Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2020. С. 434-443.

7. Круглова, И.Н. Жертвенность как символическое бытие: Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан, Р. Жирар / И.Н. Круглова // Вестник КрасГАУ. 2013. № 10 (85). С. 308-311.

8. Романова, Е.В. От любви к ближнему до любви к врагу / Е.В. Романова // Критика насилия: proetcontra [Электронный ресурс]: материалы региональной научной конференции, посвященной Всемирному дню философии (21 ноября 2019 г., Красноярск). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. С. 39-41.

УДК 159.9

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИО-КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Мелёхин Алексей Игоревич

кандидат психологических наук, доцент

**психоаналитик, клинический психолог высшей
квалификационной категории, сомнолог,**

г. Москва, Россия

email: clinmelehin@yandex.ru

***Аннотация:** В статье впервые в России представлена модель изменений в социо-когнитивных процессах участвующих в процессе социальных решений (CISDA), в основе которой лежит модель аффект → интеграция → мотивации. Модель обеспечивает основу для понимания механизмов возрастно-ассоциированных изменений в процессе принятия решений и их минимизации, компенсации. Показано, что для принятия социо-экономических решений требуется участие трех взаимосвязанных процессов: модель психического (theoryofmind), регуляция эмоций и память о прошлом опыте (своем и значимых других). Люди пожилого и старческого возраста имеют специфику в*

способности регулировать собственные эмоции, распознавать обман, негативные эмоции со стороны других людей, что требует разработки социо-когнитивных тренингов и копинг-карточек самопомощи.

Ключевые слова: *социо-когнитивные функции, модель психического, социальное познание, понимание обмана, обман, мошенничество, пожилой возраст, старческий возраст.*

CHANGES IN SOCIO-COGNITIVE PROCESSES FOR MAKING SOCIO-ECONOMIC DECISIONS IN OLD AGE

Melehin Aleksey Igorevich

PhD, associate professor

**psychoanalyst, clinical psychologist of the highest qualification category, somnologist,
Moscow, Russia**

email: clinmelehin@yandex.ru

Abstract: *For the first time in Russia, the article presents a model of changes in the socio-cognitive processes involved in the process of social decisions (CISDA), which is based on the affect-integration-motivation model. The model provides a basis for understanding the mechanisms of age-associated changes in the decision-making process and their minimization and compensation. It is shown that socio-economic decision-making requires the participation of three interrelated processes: the theory of mind model, the regulation of emotions, and the memory of past experiences (one's own and significant others). Elderly and senile people have a specific ability to regulate their own emotions, recognize deception, negative emotions from other people, which requires the development of socio-cognitive training and self-help coping cards.*

Keywords: *socio-cognitive functions, theory of mind, social cognition, understanding of deception, old age.*

По мере старения нашего общества растет интерес к тому, как эта возрастная группа думает и ведет себя, особенно когда их решения касаются других людей, понимания их психических состояний (намерений, целей). Понимание того, как пожилые люди (60+) принимают социально-экономические решения, имеет последствия для общественного здравоохранения, маркетинга и политических кампа-

ний. Увеличиваются опасения, что пожилые люди восприимчивы к мошенничеству, совершаемому незнакомыми людьми или близкими [6]. Большинство случаев жестокого обращения (экономических, сексуальных, физическое насилие) с пожилыми людьми связаны с тем, что человек, обычно член семьи, завоевывает доверие пожилого человека для последующей эксплуатации. Оценки потерь пожилых жертв финансовых злоупотреблений в России не подсчитывается по сей день. Каждый случай финансовой эксплуатации пожилых людей не всегда фиксируется [1].

Принятие социальных решений (бытовых, финансовых) пожилым человеком включает в себя определение и взвешивание достоинств множества альтернатив и выбор наилучшего курса действий в социальном контексте. С возрастом люди все чаще испытывают потерю физических способностей, когнитивной остроты и социальной поддержки, что приводит к смещению целей с акцента на усиление психологической гибкости, развитие компенсаторных стратегий к предотвращению потерь с помощью исключительно фармакотерапии [6]. В то же время пожилые люди, как правило, становятся более зависимыми от других в вопросах здравоохранения, финансовой стабильности и других аспектов повседневной жизни. Таким образом, пожилые люди сталкиваются со многими важными и сложными решениями, которые затрагивают других и имеют серьезные последствия для их (и других) благополучия, здоровья и финансов. Один из пробелов в нашем понимании того, как процесс старения (когнитивное старение) влияет на принятие социальных решений, касается изменений на стадии «интеграции» принятия решений.

Согласно предложенной Г. Саманез-Ларкин и соавт. структуре *аффект → интеграция → мотивация* [5], именно на стадии интеграции значения различных атрибутов решений определяются внутри и между вариантами решений. Оценка атрибутов может включать интеграцию стандартных характеристик, связанных с выбором, включая вероятности результатов, задержки в ожидаемых результатах и усилия, необходимые для принятия решения. Эта стадия принятия решений особенно важна в социальном контексте, поскольку она направляет выбор в сложных решениях. Принятие социальных решений многогранно, включает в себя не только интеграцию стандартных, несоциальных особенностей выбора, но и особенностей, связанных с социальными контекстами и проблемами (например, вывод о том, что думают и чувствуют другие, регулирование аффективных реакций на

других, вспоминание применимого социального опыта и т. д.). Таким образом, социальные контексты и проблемы добавляют уровни сложности к принятию решений на основе ценностей, которые требуют интеграции. Эта дополнительная сложность приводит к перестройке дополнительных нейрокогнитивных ресурсов в виде интеграционных функций. Эти условия ясно показывают, что понимание процесса принятия социальных решений в процессе старения требует исследований, нацеленных на интеграционную фазу принятия решений; однако теории и исследования до сих пор уделяли этой теме мало внимания [4].

Понимая, как нейробиологические корреляты влияют на поведение, мы можем описать и контекстуализировать процесс принятия социальных решений в процессе старения.

Модель аффект → интеграция → мотивация (сокр. А.И.М., Affect-integration-motivation framework, [5]) обеспечивает основу для понимания и проверки прогнозов о ценностно-ориентированной обработке решений при старении без особого акцента на социальные решения. Эта имеет некоторые явные преимущества перед другими более широкими моделями принятия решений, такими как *Линзовая модель Брунсвика* (Brunswik's Lens Model), поскольку модель А.И.М. специально нацелена на неврологические основы принятия решений и старения.

Модель аффект → интеграция → мотивация обеспечивается следующими процессами:

Стадия аффекта. Процесс принятия решений начинается с параллельных импульсов приближения и/или избегания стимула.

Стадия интеграция. Для сложных выборов, цель предполагает стадию интеграции ценностей, на которой импульсы приближения и избегания взвешиваются по сравнению с другими соображениями с учетом предыдущего опыта [5].

Стадия мотивации. Процессы мотивационного компонента не могут функционировать без участия процессов аффективного компонента, а мотивированные действия могут инициироваться любым количеством интеграционных компонентов. Таким образом, влияние специфических интегративных процессов на принятие решений весьма вариабельно и зависит от контекста.

На рис. 1 представлена модель изменений в интеграции для принятия социальных решений в основе которой лежит модель аффект → интеграция → мотивация [7].

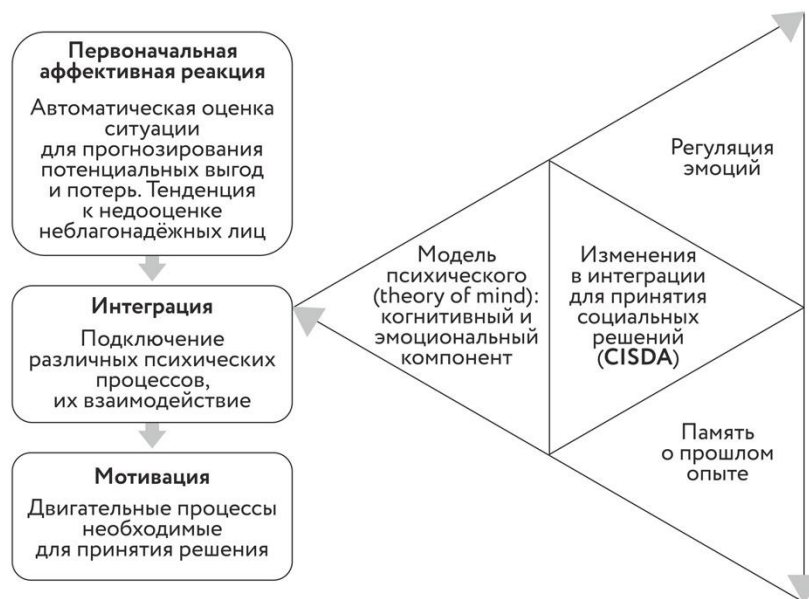

Рис. 1 Изменения в интеграции для социальных решений в процессе старения (CISDA [7], адаптация, А.И. Мелёхин) обеспечивает теоретическую основу для понимания механизмов возрастных изменений в процессе принятия решений.

Данная модель предлагает основу для понимания механизмов возрастных изменений в принятии решений. Такая конкретизация необходима по нескольким причинам:

Понимание процесса принятия социальных (бытовых) решений на протяжении всей жизни взрослого человека требует более пристального внимания к возрастным изменениям интеграционных функций, поскольку социальные контексты и проблемы добавляют измерения сложности к оценке выбора, которые требуют интеграции ценностей.

Принятие социальных решений часто включает в себя набор функций более высокого уровня, которые не требуются для принятия несоциальных решений, причем некоторые компоненты обработки наблюдаются только в процессе принятия социальных решений. Таким образом, механизмы принятия социальных решений пересекаются с механизмами принятия несоциальных решений, но отличаются от них.

Из процессов, которые, вероятно, будут задействованы в процессе принятия социальных решений, мы выделили три, которые претерпевают значительные возрастные изменения: теория сознания, регуляция эмоций и память о прошлом опыте. Все эти процессы происходят на стадии интеграции принятия решений, основанных на цен-

ности. d) модель предлагает гипотезы о конкретных механизмах устойчивости и уязвимости в процессе принятия социальных решений с возрастом, которые могут быть использованы для психотерапевтических стратегий.

Из рис. 1 видно, что *аффект*, первый шаг процесса принятия социальных решений включает автоматическую оценку стимула с помощью аффективных нейронных компонентов, чтобы предвидеть потенциальные выгоды и потери. Для этой стадии принятия социальных решений данные свидетельствуют о том, что пожилые люди по сравнению с молодыми более склонны недооценивать сигналы, предсказывающие потерю, далее идет процесс *интеграции* – выход из начальных аффективных реакций затем входит в фазу интеграции, где происходят оценочные процессы, включающие теорию ума, регуляцию эмоций и память о прошлом опыте (среди потенциальных других процессов). Особенности контекста принятия решения (например, количество времени на обдумывание, предполагаемые затраты и выгоды) будут определять количество используемых интегративных компонентов и то, как они взаимодействуют. На рис. 1 показано, что *модель психического (theory of mind)* – это нейрокогнитивный процесс, уникальный для социальных решений, поскольку другие формы принятия решений не требуют рассуждений о психическом состоянии другого человека. Этот процесс включает в себя умозаключения о мыслях, эмоциях и поведении другого человека, его намерениях [1, 3, 4].

При принятии социальных решений мы учитываем мысли и чувства других людей при определении *ценности* наших вариантов выбора. Например, решения о доверии требуют умозаключений о намерениях и действиях других. Такие выводы становятся входными данными («весами значений») в расчетах ожидаемых значений для варианта принятия решения.

Регуляция эмоций (рис.1) представляет собой еще один ключевой процесс интеграции ценностей для принятия социальных решений. Этот процесс включает в себя избирательное внимание к стимулам на основе их аффективных качеств или изменение интерпретации аффективных стимулов и контекстов, чтобы изменить свое аффективное состояние. Регуляция эмоций часто становится необходимой при принятии решений в социальной (бытовой) сфере, потому что сигналы от других и их поведение относительно заметны и могут вызывать аффективные реакции (например, гнев, возбуждение), которые необходимо модулировать для достижения своих целей (например,

снижение гнева из-за эгоистичного поведения собеседника). Регуляция эмоций может играть определенную роль в интеграции, поскольку она может изменять как величину, так и валентность значения выбора вариантов решения.

Память о прошлом опыте (рис.1) включает в себя еще один процесс, имеет решающее значение для интеграции ценностей в социальные (бытовые) решения. Эти решения часто включают оценочные данные, основанные на прошлом опыте общения с другими.

Как показано на рис. 1 данная модель предсказывает, что процессы социального познания («модель психического»), регуляции эмоций и памяти о прошлом опыте могут взаимодействовать друг с другом во время фазы интеграции ценностей принятия решений. Представленная нами модель также предсказывает, что для принятия решения не нужно задействовать все три интегративные функции. Например, ценность решения доверять своему супругу в повседневных социальных решениях может сильно зависеть от предшествующего знания о том, что он/она неизменно заслуживал доверия в прошлом (семантическая память). Здесь фаза оценки может осуществляться без регулирования эмоций или беспокойства по поводу намерений супруга. Однако, если вы недавно узнали, что она/он тайно взяла крупный кредит, вы, вероятно, взвесите ценность ваших решений доверять ей/ему против ваших выводов о ее/его намерениях и эмоциональном состоянии в их тайных действиях [7].

Способы взаимодействия этих трех компонентов варьируются в зависимости от внутренних (например, целей, предпочтений) и внешних факторов (например, времени принятия решения, вовлеченных людей). Мы признаем, что другие несоциальные факторы (задержки результатов, риск, усилия по принятию решений также могут влиять на субъективную ценностную интеграцию в процессе принятия социальных решений. Однако мы утверждаем, что *модель психического, регуляции эмоций и памяти о прошлом опыте представляют собой ключевые процессы, влияющие на интеграцию ценностей в процессе старения, поскольку они предсказывают качество принятия социальных решений* и изменения в процессе старения [5].

Представленная модель (рис.1) нацелена на важные нейроповеденческие функции принятия социальных решений, чтобы помочь как исследовательским усилиям, так и разработке индивидуальных вмешательств для лиц, принимающих решения в отношении старения. Основана на представлении о том, что сложность процесса принятия решений, вызванная рассуждениями о мыслях и чувствах других людей, отличает социальное принятие решений от других

форм принятия решений. Спецификация модели фокусируется на трех избранных интегративных процессах: модель психического, регуляции эмоций и памяти о прошлом опыте, которые предсказывают выполнение социальных задач принятия решений и изменяются с возрастом [7].

Мы не предполагаем, что данная модель предсказывает, что пожилые люди будут повсеместно хуже принимать социальные решения по сравнению с молодыми взрослыми. Скорее, в зависимости от требований контекста принятия решений, пожилые люди будут действовать более или менее оптимально, чем молодые. Отметим, что межиндивидуальные и контекстуальные факторы влияют на принятие социальных решений при старении, но как мы видим они не представлены в данной модели. Влиятельные межиндивидуальные характеристики включают предпочтения к риску, общий интеллект, социальную активность и др. Контекстуальными факторами релевантности в этом контексте являются культура, социально-экономический статус, стрессовое воздействие и когортные эффекты (убеждения) [1, 3, 4].

Модель (рис.1) конкретно предполагает, что 1) старение будет связано с более низкой производительностью в контексте социальных решений, где когнитивный компонент модели психического приводит к более качественным решениям; 2) пожилые люди будут действовать аналогично молодым взрослым в контексте социальных решений, где аффективный компонент модели психического приводит к более качественным решениям; 3) пожилые люди будут больше полагаться на аффективный, чем когнитивный компоненты модели психического при принятии социальных решений; и 4) недостаточное использование когнитивного компонента модели психического у пожилых людей будет опосредовано нейрокогнитивными изменениями.

Модель изменений в интеграции для социальных решений в процессе старения (CISDA [7]) предсказывает, что пожилые люди обладают способностью к регуляции эмоций, что приводит к относительно лучшему качеству принятия социальных (бытовых) решений, когда требуется контроль негативных аффективных импульсов. Однако наличие психических изменений (например, гериатрическая депрессия), мотивационные сдвиги (например, эмоционально-эгоцентрический сдвиг) могут привести к ухудшению принятия социальных решений, когда «ненадежные» люди пытаются эксплуатировать пожилых людей.

Соответственно, модель предполагает, что 1) пожилые люди будут лучше работать в социальных контекстах принятия решений, где

контроль негативных аффективных импульсов приводит к лучшему качеству принятия решений; 2) пожилые люди будут хуже работать в социальных контекстах принятия решений, где для оптимального принятия решений требуется негативное субъективное возбуждение, например решения, требующие выявления ненадежности и лживости других; 3) возрастное повышение способности к эмоциональному контролю и снижение негативного субъективного возбуждения будут частично опосредованы нейрокогнитивными сдвигами; 4) возрастная большая способность к эмоциональному контролю и снижение негативного субъективного возбуждения также будут частично опосредованы возрастной функциональной стабильностью нейрокогнитивных функций. Что касается памяти о прошлом опыте, то представленная модель (рис.1) предсказывает, что возрастное накопление опыта и знаний приведет к улучшению качества социальных решений, когда производительность зависит от семантической и/или имплицитной памяти. Однако возрастное снижение эпизодической памяти, памяти воспоминаний и рабочей памяти приведет к ухудшению качества социальных решений, когда производительность зависит от точного запоминания, обучения на прошлых ошибках или интеграции нескольких фрагментов информации. Выше приведенные данные показывают актуальность разработки социо-когнитивных тренингов по минимизации виктимизации людей позднего возраста и грамотного принятия ими социо-экономических решений. Подробнее см. [2].

Список литературы

1. Мелёхин, А.И. Понимание обмана в пожилом возрасте: специфика и предикторы / А.И. Мелехин // *Neurodynamics. Журнал клинической психологии и психиатрии*. 2019. № 2. С. 20-41.
2. Мелёхин, А.И. Программа развития модели психического (theoryofmind) в поздних возрастах / А.И. Мелехин // *Клиническая и специальная психология*. 2015. Том 4. № 1. С. 110-123.
3. Мелёхин, А.И. Специфика понимания обмана в пожилом и старческом возрасте / А.И. Мелехин // *Психология и право*. 2019. Том 9. № 4. С. 187-210. doi:10.17759/psylaw.2019090414.
4. Мелёхин, А.И. Специфика метакогнитивных функций в пожилом и старческом возрасте / А.И. Мелехин // *Клиническая геронтология*. 2019. № 4. С. 17-29.
5. Samanez-Larkin, G.R. Decision making in the ageing brain: changes in affective and motivational circuits / G.R Samanez-Larkin, B. Knutson // *Nat Rev Neurosci*. 2015. Vol. 16. № 5. P. 278-89. doi: 10.1038/nrn3917.

6. Ebner, N.C. An Adult Developmental Approach to Perceived Facial Attractiveness and Distinctiveness / N.C Ebner, J. Luedicke., M.C. Voelkle // *Frontiers in psychology*, 2018. Vol. 9, P.561-588. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00561>.

7. Frazier, I. CISDA: Changes in Integration for Social Decisions in Aging. Wiley Interdiscip/ I. Frazier, N.R. Lighthall, M. Horta // *Rev Cogn Sci*. 2019. Vol. 10. № 3. P. 21-33. doi: 10.1002/wcs.1490.

УДК340.13*342

**О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ПРАКТИЧЕСКИХ МЕРАХ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ИНВАЛИДОВ**

Навальный Сергей Викторович

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

e-mail: tgpnsv@mail.ru

Аннотация: В статье раскрывается краткий перечень вопросов, связанных с обеспечением избирательных прав граждан-инвалидов. Автор акцентирует внимание на наличии серии законодательных актов, сопровождающих данные вопросы, а также имеющую место правоприменительную практику.

Ключевые слова: избирательные права, гражданин-инвалид, активное, пассивное избирательное право, организация выборов, законодательные акты.

**ON LEGISLATIVE AND PRACTICAL MEASURES
TO IMPLEMENT THE ELECTORAL RIGHTS
OF PERSONS WITH DISABILITIES**

Navalny Sergey Viktorovich,

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

e-mail: tgpnsv@mail.ru

Annotation: The article reveals a short list of issues related to ensuring the electoral rights of disabled citizens. The author focuses on the ex-

istence of a series of legislative acts accompanying these issues, as well as the existing law enforcement practice.

Keywords: *electoral rights, disabled citizens, active and passive electoral rights, organization of elections, legislative acts.*

Россия в соответствии с конституционными нормами является демократическим государством, с республиканской формой правления. Основой функционирования демократического государства являются всеобщие, равные и прямые выборы, и, следовательно, каждому гражданину предоставляется право избирать и быть избранными в органы власти. В настоящее время в России насчитывается свыше 12 миллионов граждан с ограниченными возможностями, которые относятся к незащищённым слоям населения, которые пользуются активным и пассивным избирательным правом. Эти правовые возможности закреплены, как в международных, так и в российских нормативных актах. В категорию международных относится Конвенция ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года, которую можно считать отправной точкой в решении вопроса реализации избирательных прав граждан с ограниченными физическими возможностями. Цель настоящей Конвенции заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства [1]. К числу международных необходимо также отнести и Конвенцию о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (ратифицирована Российской Федерацией – федеральный закон от 2 июля 2003 года № 89-ФЗ). Российское конституционное законодательство гарантирует каждому человеку и гражданину возможности для полноценного осуществления своих прав и свобод, в том числе и избирательных прав.

В Российской Федерации обеспечение избирательных прав граждан-инвалидов осуществляется посредством функционирования ряда нормативно-правовых актов, а именно: Конституции РФ (ст. 32); федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации» (ст. 75); федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 30.04.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ч. 16.1 ст. 20; п. л. 2 ч. 10 ст. 23; ч. 5.1 ст. 33; ч. 3 ст. 45; ч. 7.1. ст. 61; ч. 21 ст. 63; ч. 1, п. в ч. 8.1,

ч. 11.1 ст. 66); федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ч. 6 ст. 42; ч. 1 ст. 5; ч. 10 ст. 78; ч. 3 ст. 79; ч. 1, 7, 12 ст. 83); федерального закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О выборах Президента Российской Федерации» (ст. 46; ч. 9.1. ст. 66; ч. 2.1. ст. 67; ч. 1 ст. 71; п. 3 ч. 7.1. ст. 71; п. 10.1. ч. 10 ст. 71).

Таким образом, вопрос реализации избирательных прав граждан данной категории в Российской Федерации относится к категории актуальных. Проблемность данного вопроса заключается в организации процесса голосования, в формах участия избирательных комиссий в этих действиях. В ходе практического решения вопросов реализации избирательных прав инвалидов, основной вопрос заключается в том, что уполномоченные должностные лица не всегда способны создать условия, при которых граждане данной категории смогли бы реализовать свои избирательные права. ЦИК РФ, руководствуясь принятыми законодательными актами, предметно участвует в реализации избирательных прав граждан-инвалидов, посредством принятия правоприменительных актов. Другими словами, эти вопросы находятся в поле зрения избирательных комиссий всех уровней, начиная с 2007 года. Основанием для активных действий послужили постоянно обновляемые «Рекомендации по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации». Последняя их редакция утверждена постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации 29 июля 2020 г. № 262/1933-7. Данные рекомендации включают в себя общие положения, основные термины и понятия, вопросы организации работы избирательных комиссий по подготовке ко дню голосования, особенности обучения и организации работы членов комиссий, являющихся инвалидами, вопросы участия комиссий в обеспечении реализации пассивного избирательного права граждан с инвалидностью, вопросы организации работы по получению (уточнению) сведений об избирателях, являющихся инвалидами, включенных в списки избирателей на соответствующей территории. Предметно анализируя содержание указанных рекомендаций, можно прийти к выводу о том, что в них детально прописаны все вопросы, решение которых будет в полной мере способствовать обеспечению избирательных прав граждан-инвалидов. В них также закреплены термины, которые выделила ЦИК РФ в части прак-

тической деятельности по реализации избирательных прав граждан-инвалидов, а именно: сурдопереводчик, тактильные указатели, тифлосредства, тифлосурдопереводчик. Многие из них закреплены впервые, что является свидетельством поиска оптимальных решений данных вопросов [2].

В целом внедрение предложенных ЦИК РФ рекомендаций в практическую деятельность избирательных комиссий способствовало, во-первых, формированию рабочих групп из составов избирательных комиссий для оказания практической помощи инвалидам в обеспечении их избирательных прав, в том числе с включением в их состав представителей общественных организаций инвалидов; во-вторых, созданию специальных избирательных участков в местах массового проживания граждан-инвалидов. В-третьих, в целях обеспечения голосования слепых и слабовидящих, рекомендовано использовать трафареты для избирательных бюллетеней; в-четвертых, в интересах избирателей с нарушением функции слуха, глухонемых рекомендовано практиковать приглашение специалистов-сурдопереводчиков, тифлосурдопереводчиков. В рекомендациях особо отмечается, что «при взаимодействии избирательных комиссий с избирателями, являющимися инвалидами, необходимо соблюдать нравственно-правовые принципы общения: уважительность, гуманность, вежливость, тактичность, терпимость, неразглашение медицинской тайны, невмешательство в сферу личной жизни гражданина» [2].

Эффективность принятых ЦИК РФ мер была подтверждена увеличением числа избирателей данной категории на избирательных участках, о чем свидетельствуют статистические данные. Однако до настоящего времени остаются проблемы, которые по-прежнему не нашли решения и фактически препятствуют реализации избирательных прав людей с ограниченными возможностями. Несмотря на объем принятых законодательных актов все они, к сожалению, имеют узконаправленный характер. Так, например, категории граждан-инвалидов различны и соответственно подход к ним должен быть разный. Правоприменитель выделяет следующие категории инвалидности граждан, на основании которых они не могут в полном объеме реализовать свои избирательные права: во-первых, слепые и слабовидящие избиратели – лица, с нарушениями зрения; во-вторых, глухие и слабослышащие избиратели – лица, имеющие нарушения слуха; в-третьих, слепоглухие избиратели – лица, имеющие одновременно нарушения зрения и слуха; в-четвертых, избиратели с нарушениями

функций опорно-двигательного аппарата – лица. Рассмотрим типичную ситуацию. Избиратели с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата встречаются определенные трудности в части прибытия на избирательные участки. Речь идет, прежде всего, во-первых, о наличии проблем, связанных с наличием специализированного транспорта, способного доставлять инвалидов на избирательные участки, во-вторых, отсутствии лифтов, пандусов в жилых домах, где проживают инвалиды. Казалось бы, решение этих вопросов налицо и заключается в обеспечении организации работы социальных такси. Однако их работа сопряжена с необходимостью подготовки соответствующих кадров, выделением бюджетных средств муниципалитетами. Для муниципалитетов с незначительным бюджетом это становится неразрешимой задачей. Что касается другой категории инвалидов с нарушением функций зрения, то для реализации ими своих избирательных прав требуется установка светофоров со звуковым сигналом или выделение сопровождающих. Кроме этого требуется наличие визуальных и тактильных указателей, сопровождение инвалидов членами избирательной комиссии по их просьбе, ознакомление с текстовой информацией, расположенной в помещении избирательной комиссии. На стадии постоянной готовности находятся вопросы оборудования избирательных участков, информирования и голосования вне помещения избирательного участка. Перспективным представляется решение вопросов реализации избирательных прав граждан-инвалидов, связанных с техническим оснащением избирательных участков комплексами электронного голосования. Однако на сегодня не все населенные пункты имеют техническую возможность обеспечить электронное голосование и прежде всего, из-за недостатка финансирования. Вместе с тем поиск решений данных вопросов во многом облегчил бы процесс голосования для людей с ограниченными физическими возможностями. Подводя краткий итог, следует отметить, что практика обеспечения избирательных прав инвалидов освоена недостаточно, что не соответствует положениям, зафиксированным в указанной нами Конвенции Организации Объединенных Наций. Решение этих вопросов находится в двух плоскостях, во-первых, непосредственно в организации целенаправленно функционирующей системы голосования для инвалидов, во-вторых, в организации доступа инвалидов на избирательные участки.

Необходимо отметить, что практическое решение этих вопросов имеет место в ряде начинаний по инициативе государства и обще-

ства. Речь идет о создании для граждан с инвалидностью, где бы они ни проживали, учились или работали, и вне зависимости от тяжести особенностей инвалидности необходимого психологического и социального комфорта, исключающего любую дискриминацию или унижение этих людей. Во-первых, это реализация государственной программы «Доступная среда», в основе которой обеспечение необходимых условий инвалидам для их свободного перемещения и повышения уровня доступности объектов и услуг. Во-вторых, в ряде регионов реализуется проект «Дорога на избирательный участок», в соответствии с которым преследуется цель выявления проблем, которые возникают при перемещении инвалидов и информировании о них органов государственной власти, местного самоуправления и предприятий. В-третьих, проект «Говорящий участок», смысл которого заключается в размещении специального оборудования и информационных материалов для людей с ограниченными физическими возможностями на каждом избирательном участке. Нет сомнения в том, что в данной работе должны и могут принимать посильное участие, как сами волонтеры, так и волонтерские организации.

Таким образом, имеющая место правовая база позволяет оптимально подходить к решению этих назревших в обществе вопросов. Однако практика свидетельствует об обратном. Среди причин, тормозящих данный процесс, следует отметить, во-первых, недостаток финансирования указанных проектов, во-вторых, отсутствие приоритетности их решения, в-третьих, наличие ментальной пассивности самих инвалидов, в-четвертых это непосредственное отношение граждан к лицам с инвалидностью. Мы исходим из того, что отношение к инвалидам является без сомнения индикатором зрелости общества. Вместе с тем, по данным социологических исследований, «сегодня у большей части населения отмечается чувство напряженности и настороженности, возникающее в ситуации общения с инвалидами» [3]. Вот почему безусловным остается мнение о необходимости продолжения поиска оптимальных решений отмеченных вопросов, тем самым постепенно изменяя отношение обычных граждан к инвалидам согражданам. Это и миссия, и одновременно трудная задача, решение которой необходимо в современных условиях развития российской демократии.

Список литературы

1. Конвенция ООН о правах инвалидов от 13.12.2006 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7; Собрание законодательства РФ. 2013. № 6. Ст. 468.
2. Рекомендации по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
3. Шаповал, И.А. Специальная психология: Учеб. пособие / И.А. Шаповал. М.: ТЦ Сфера, 2005. 224 с.

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ЛИЦО С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ»

Наумкина Валентина Владимировна
доктор юридических наук, доцент

**Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Россия**
email: naumkina_vv @khsu.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения понятия «лицо с ограниченными возможностями здоровья». Проблемы социализации и особенности развития человека могут сохраняться в течении всей жизни. Поэтому четкое определение и закрепление статуса необходимо для реализации прав указанных лиц.

Ключевые слова: лицо с ограниченными возможностями здоровья, инвалид, права человека.

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF «A PERSON WITH DISABILITIES»

Naumkina Valentina Vladimirovna
doctor of sciences (law), associate professor,
**Khakas State University after N.F. Katanov,
Abakan, Russia**
E-mail: naumkina_vv@khsu.ru

Annotation: The article deals with the problem of defining the concept of "person with disabilities". Problems of socialization and features of

human development can persist throughout life. Therefore, a clear definition and consolidation of the status is necessary for the realization of rights.

Keywords: *person with disabilities, disabled person, human rights.*

Термин «лицо с ограниченными возможностями здоровья» стал использоваться с 2007 года, вместо терминов «лица, имеющие отклонения в развитии или поведении», и «лица, имеющие недостатки в психическом и (или) физическом развитии» [1]. Несомненно, термин «лицо с ограниченными возможностями здоровья» является более корректным и включает лиц с различными отклонениями. При этом дефиниция «лицо с ограниченными возможностями здоровья» в законодательстве отсутствует. В настоящее время нет единого подхода к пониманию термина и в науке [3, 4]. Термин «лицо с ограниченными способностями здоровья» и «инвалид» используются либо как синонимы, либо как схожие понятия, имеющие различное содержание.

Под термином «инвалид» законодатель понимает «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [2]. К лицам с ОВЗ, как правило, относят людей с недостатками в физическом и (или) психическом развитии. Поэтому категория «лица с ограниченными способностями» будет включать инвалидов и иных лиц с недостатками или особенностями психического или физического развития. Человек с ограниченными возможностями не всегда имеет статус инвалида. Предусмотрена различная процедура оформления данного статуса. Решение об отнесении человека к лицам с ОВЗ принимает психолого-медико-педагогическая комиссия, а признание инвалидом относится к компетенции федерального учреждения медико-социальной экспертизы. Психолого-медико-педагогическая комиссия создается субъектом РФ или муниципальным образованием. Законодательство в сфере образования уравнивает права инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья по льготам при поступлении в ВУЗы и СУЗы и предусматривает дополнительные права.

Термин «лицо с ограниченными возможностями здоровья» преимущественно используется в законодательстве в сфере образования. Принято считать, что недостатки или особенности развития могут влиять на процесс получения образования, а не в целом на жизнедеятельность, как указано в определении инвалида [8; с. 110]. Если че-

ловека имеет особенности развития, которые влияют по процесс получения образования, значит, будут проблемы социализации личности, которые могут повлиять на адекватное восприятие действительности и поведение человека.

Наибольшую тревогу вызывают отклонения психического развития и поведения. Отклонения поведения будут проявляться не только при обучении, и могут сохраниться на протяжении всей жизни. Как правило, исследователи выделяют особенности психоэмоционального состояния лиц с ограниченными возможностями здоровья [7]. Поэтому проблема носит двоякий характер. С одной стороны, каким людям требуется дополнительная защита в течении всей жизни. Даже если человек утратил данный статус, особенности психического развития могут проявиться на любом этапе жизни, особенно в стрессовой ситуации. С другой стороны, особенности развития могут привести к противоправным поступкам в отношении иных лиц, либо использованию данных людей для совершения противоправных деяний. В силу высокой динамики жизни, замкнутого образа жизни, возраста и иных факторов необходим государственный учет лиц, которые имеют или кого-либо имели данный статус для оказания своевременной помощи.

Закрепление в законодательстве термина «лицо с ограниченными возможностями» и система государственного учета данных лиц позволит учитывать особенности данной категории лиц в различных правоотношениях [5, 6].

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.06.2007 г. № 120-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья» // СПС Консультант Плюс.

2. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 26.05.2021 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

3. Амирханян, А.Н. Понятие лица с ограниченными возможностями здоровья по законодательству Российской Федерации / А.Н. Амирханян // Вестник современных исследований. 2018. № 5.4 (20). С. 441-445.

4. Дмитренко, А.И. Разграничение понятий «лицо с ограниченными возможностями здоровья» и «инвалид» / А.И. Дмитренко // Форум молодых ученых. 2018. № 6-1 (22). С. 970-972.

5. Курбатова, С.М. Об участниках уголовного судопроизводства, имеющих ограниченные возможности / С.М. Курбатова // В сборнике: Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. Материалы IV международной научно-практической конференции. В 3-х т. Донецк, 2020. С. 194-197.

6. Курбатова, С.М. Процессуальные гарантии как условие соблюдения прав участников из числа лиц с ограниченными возможностями / С.М. Курбатова // В сборнике: Право и законность: вопросы теории и практики. Сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 24-26.

7. Михайлова, В.В. Психоэмоциональное состояние детей с ОВЗ / В.В. Михайлова, К.С. Анисимова // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 11 (38). С. 94-97.

8. Сильченко, Е.В. Проблема разграничения понятий «инвалид» и «лицо с ОВЗ» в современной российской системе образования / Е.В. Сильченко // Алтайский вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 108-112.

УДК 343.01

ПОНЯТИЕ ПРИЗНАКА: ФИЛОСОФСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Осина Мария Сергеевна

магистрант

Московская академия следственного комитета

Российской Федерации,

г. Москва, Россия

email: mirtamira15@gmail.com

Бертовский Лев Владимирович

доктор юридических наук, профессор

**Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники» (МИЭТ)**

г. Москва, Россия

email: bgl1980@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрено понятие признака в философском смысле, в ключе уголовного права и криминалистики. Отме-

чается важность данного понятия как в целом для права, так и в разрезе отдельно взятой отрасли. В результате исследования делается вывод о необходимости дать общедисциплинарное определение понятию признака в праве. На основе выведенного понятия дается анализ признаков участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: признак, преступление, свойство, идентификация, участник уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями.

THE CONCEPT OF A FEATURE: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS

Osina Maria Sergeevna
master's degree student

**Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia**
email: mirtamira15@gmail.com

Bertovsky Lev Vladimirovich
doctor of law, professor

**National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology" (MIET),
Moscow, Russia**
email: bgl1980@yandex.ru

Abstract: *The article considers the concept of a feature in philosophical sense, in the key of criminal law and forensic science. The importance of this concept is noted both in general for law and in the context of a particular industry. As a result of the study, it is concluded that it is necessary to give a general disciplinary definition of the concept of a feature in law. Based on the derived concept, an analysis of the characteristics of participants in criminal proceedings with disabilities is given.*

Keywords: *feature, crime, property, identification, participant in criminal proceedings with disabilities*

Тема понятия признака в праве не изучена до конца и точного понятия во многих отраслях права по этому вопросу не сформулиро-

вано. Однако, данное определение необходимо вывести не только для определения понятия признака преступления в праве, но и для выделения особых признаков участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями. Для этого рассмотрим понятия признака в ключе уголовного права и криминалистики.

Для того чтобы дать определение понятию «признак», необходимо для начала понять, что это, где применяется, что под ним подразумевается и какими качествами обладает данное определение.

Начать стоит с того, что в соответствии с большим толковым словарем русского языка под редакцией С.А. Кузнецова признак это - основное, исходное положение какой-л. теории, учения, науки и т.п. Второе понятие говорит нам о том, что принцип это – руководящее положение, основное правило, установка для какой-л. деятельности [3].

Философы так и не пришли к одинаковому подходу в понимании термина, все придерживались разных подходов для определения понятия принципа. Например, В.Ф. Асмус называет признаком «мысли о свойствах предметов», Г.И. Челпанов же сводит их к представлениям [7]. Иными словами, философы считают, что признак – это результат деятельности познающего субъекта. Можно сделать вывод, что с одной стороны, признаки не отождествляются с качествами, свойствами или отношениями предметов, с другой же стороны, их природа – не только мыслительная, напрямую связанная с психической или интеллектуальной деятельностью субъекта, но осуществляющего логическую процедуру.

Следует сделать вывод, что под признаком в философии можно понимать не сами свойства или качества, и не мысли о них, а нечто третье – наличие или отсутствие их у предметов, то, в чем предметы могут быть похожи или различны между собой.

В области же уголовного права признак неразрывно используется с понятием преступления. Поэтому для начала следует дать определение преступления и перечислить те качества, которые доктрина подразумевает под «признаками преступления». Понятие преступления, является одной из ключевых фигур уголовного права. Понятие преступления, является одной из ключевых фигур уголовного права. Так, под преступлением в Уголовном Кодексе Российской Федерации, а именно в ст. 14 понимается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации, под угрозой наказания» [1].

Из данного определения следует, что каждое преступление характеризуется совокупностью определённых признаков.

Так, первым признаком можно выделить общественную опасность. Под данным принципом понимается способность деяния причинить вред охраняемым уголовным законом интересам. Любое преступление также должно быть виновно совершенным. Данный признак обусловлен тем, что это психическое отношение к совершаемому им деянию, его общественной опасности и вредным последствиям. Психическое содержание виновности характеризуется внутренним отношением человека к совершаемому им преступлению, являясь проявлением его сознания и воли.

Признаком является так же и то, что преступление всегда выражается в деянии. Под деянием подразумевается определенный набор действий, направленный на достижение определенного результата, или отсутствие каких-либо действий для наступления негативных последствий.

Следующий признак, это противоправность. Это юридическое выражение общественной опасности в уголовном законе (запрещенность деяния под страхом уголовного наказания).

И уголовная наказуемость как признак преступления это означает наличие санкции за деяние по одной из статей УК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что в уголовном праве под признаком понимается «набор общепринятых и обязательных компонентов, описывающих характер и отличительные особенности деяния, из-за отсутствия которых преступление не может считаться таковым».

В криминалистике понятие «признак» – является одним из важнейших и сложных проблем криминалистической идентификации. Любое явление материального мира и объект обладают множеством качеств, свойств и особенностей. То же самое касается объектов криминалистического отождествления, где для разрешения поставленных эксперту вопросов обходимо выделить наиболее существенные свойства и признаки сравниваемых объектов [5].

Так Н.В. Терзиев, утверждал, что под «признаком» понимается свойство, рассматриваемое под углом зрения узнавания предмета или явления. По мнению Г.Л. Грановского понятие признака неполно отражает свойство, представляя собой лишь одно из его проявлений. А.А. Эйсман связывал с понятием признака определенную познавательную функцию, а именно – узнавания, опознания. Он относит

«признак» к специально отобраным, выделенным в результате изучения объекта свойствам, которые используют для отождествления. «Любые свойства, черты, состояния предмета, – пишут В.И. Кириллов и А.А. Старченко, – которые так или иначе характеризуют предмет, выделяют его, помогают распознать среди других предметов, составляют его признаки [6; с. 51-60].

Во многих работах криминалистов понятие «признак» – это объективное отражение свойства, являющегося первоначальным материалом исследования и средством устранения идентификационных свойств, например, у ученых Р.С. Белкина и А.И. Винберга [4].

Л.В. Бертовский в своей научной диссертации «Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности» рассматривает понятие признака и приходит к выводу о том, что признак, как интегративная категория представляет собой отражение как объективного, так и субъективного моментов. В то же время признак – это единство двух начал: материального (носителя информации) и идеального (информации) [2].

Признак в криминалистике можно понимать как примет, знак, по которому какой-либо предмет или явление узнают и отличают от других.

Таким образом, подводя итоги вышесказанного, можно сформулировать понятие признака в праве. Признак – это индивидуальный и обязательный компонент или свойство, дающее полную характеристику и способствующее идентификации объекта.

На основе вышеизложенного следует проанализировать признаки участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями. Согласно Всемирной Организации Здравоохранения к числу лиц с ограниченными возможностями относятся лица с физической, физиологической и интеллектуальной недостаточностью. В общепринятом определении лиц с ограниченными возможностями, как правило, присутствуют два элемента: медицинское определение, относящееся к физиологическим функциям человека и социальные барьеры, такие как предвзятое отношение или невозможность доступа в здания, что не позволяет людям участвовать в жизни общества.

Таким образом, участник уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями обладает следующими признаками: это физическое лицо, которое имеет недостатки в физическом и (или) психологическом развитии и данный недостаток должен быть подтвержден психолого-медицинской экспертизой или комиссией, и

препятствовать нормальному функционированию лица как участника уголовного судопроизводства без создания специальных условий.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения 01.05.2021).
2. Бертовский, Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. / Л.В. Бертовский. М., 2005. 56 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание. СПб.: Норинт, 1998.
4. Криминалистика: учебник для вузов / И.В. Александров [и др.]; под ред. И.В. Александрова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 376 с.
5. Орлова, В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации / В.Ф. Орлова // Труды ВНИИСЭ. 1973. Вып. 6. 204 с.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юрист, 1996. 509 с.
7. Философия и методология науки: учебное пособие для вузов / В.И. Купцов [и др.]; под науч. ред. В.И. Купцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 394 с.

УДК 340

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ К УЧАСТИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Осипов Михаил Юрьевич

кандидат юридических наук

Международная полицейская академия ВПА,

г. Тула, Россия

e-mail osipov11789@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности подготовки юристов с ограниченными возможностями здоровья к участию в уголовном судопроизводстве. Делается вывод о том, что подготовка

юристов с ограниченными возможностями здоровья к участию в уголовном судопроизводстве предполагает формирование у них соответствующих компетенций, необходимых для эффективного участия в уголовном судопроизводстве. Показывается, что к числу таких компетенций относятся способность правильно определять круг обстоятельств, имеющих значение для дела, собирать, представлять, оценивать доказательства, правильно применять нормы уголовного и уголовно-процессуального права, составлять соответствующие процессуальные документы. В целях формирования указанных компетенций предлагается инновационная технология подготовки юристов, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, которая состоит в моделировании различных юридических ситуаций при помощи специализированного программного обеспечения, а также путем использования систем дистанционного обучения, позволяющих загружать соответствующие процессуальные документы, подготовленные по итогам следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве, симулированных при помощи специализированного программного обеспечения.

Ключевые слова: юристы, подготовка, ограниченные возможности здоровья, специализированное программное обеспечение, системы дистанционного обучения, профессиональные компетенции, следственные и судебные действия, процессуальные документы, уголовное судопроизводство.

ON SOME PROBLEMS OF TRAINING LAWYERS WITH DISABILITIES TO PARTICIPATE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Osipov Mikhail Yurievich

candidate of legal sciences

WPA International Police Academy,

Tula, Russia

e-mail osipov11789@yandex.ru

Abstract: *The article discusses the features of training lawyers with disabilities to participate in criminal proceedings. It is concluded that the preparation of lawyers with disabilities to participate in criminal proceedings presupposes the formation of their respective competencies necessary for effective participation in criminal proceedings. It is shown that such competencies include the ability to correctly determine the range of cir-*

cumstances that are important for the case, collect, present, evaluate evidence, correctly apply the norms of criminal and criminal procedural law, and draw up the relevant procedural documents. In order to form these competencies, an innovative technology for the training of lawyers, including those with disabilities, is proposed, which consists in modeling various legal situations using specialized software, as well as using distance learning systems that allow you to download the relevant procedural documents prepared following the results of investigations. and judicial actions in criminal proceedings simulated using specialized software

Keywords: *lawyers, training, disabilities, specialized software, distance learning systems, professional competencies, investigative and judicial actions, procedural documents, criminal proceedings.*

Проблема подготовки юристов в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья к участию в уголовном судопроизводстве – это одна из актуальных проблем, стоящих перед современным юридическим образованием [12; с. 65-70, 10; с. 300, 13; с. 22-26, 9; с. 33-35]. По нашему мнению, для того чтобы юрист (адвокат) в том числе лицо с ограниченными возможностями здоровья успешно осуществляло свои функции в области уголовного судопроизводства [3; с. 5-8, 11; с. 140-141] он должен обладать соответствующими компетенциями в области уголовного судопроизводства. При этом под компетенциями адвоката в области уголовного судопроизводства, по нашему мнению, следует понимать способности адвоката решать определенные задачи, связанные с осуществлением функции защиты в уголовном процессе. Возникает вопрос, что представляют собой указанные задачи. К сожалению, в юридической литературе нет однозначного ответа на данный вопрос [5; с. 1-360, 10; с. 1-510, 6; с. 110-114]. К сожалению, о необходимых компетенциях адвоката в области уголовного судопроизводства не говорит даже Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [1]. По нашему мнению, к числу так компетенций можно отнести следующие.

Знание и понимание предмета доказывания по конкретному уголовному делу (К1). Важность данной компетенции очевидна. Дело все в том, что, если адвокат не знает или не понимает предмет доказывания по уголовному делу он не сможет осуществлять эффективную защиту подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, а также эффективную защиту интересов потерпевшего в уголовном процессе.

Покажем значение данной компетенции на ряде примеров. Так недавно в Челябинском военном суде рассматривалось дело по обвинению ряда военнослужащих в издевательствах над рядовым Андреем Сычевым, которые закончились ампутацией обеих ног. Между тем в данном деле много осталось неясным. Во-первых, может ли человек «3,5 часа сидеть в позе глубокого полуприседа», как об этом заявляла военная прокуратура [7]. Во-вторых, как известно в позе глубокого полуприседа происходит сдавливание вен нижних конечностей ниже коленного сустава. Исходя из анатомического строения органов таза [4; с. 1-110], можно предположить, что имело место повреждение кровеносных сосудов, питающих нижние конечности в результате нанесения ударов по органам таза, что и привело к развитию гангрены с последующей ампутацией нижних конечностей. Следовательно, одной из важнейших компетенций адвоката по уголовным делам является такая компетенция как «знание анатомии человеческого тела» (К2). К сожалению, такая дисциплина как «анатомия человеческого тела» в учебном плане большинства юридических вузов отсутствует, и адвокаты с данной дисциплиной не знакомы, что не позволяет в ряде случаев успешно осуществлять свои функции по тому или иному уголовному делу. Почему? Дело все в том, что, как показывает статистика, немало преступлений в стране совершается против жизни и здоровья граждан. Так согласно судебной статистике за 2020 г было осуждено за преступление против жизни и здоровья 62970 человек из общего количества осужденных 530 965 человек [2], что составляет 11,86 % от общего числа осужденных по всем статьям Уголовного кодекса РФ.

Составы указанных преступлений, как известно, носят материальный характер. Материальный же характер состава указанных преступлений предполагает выяснение следующих обстоятельств, которые имеют ключевое значение для рассмотрения и разрешения соответствующих уголовных дел: имели ли место последствия, указанные в диспозициях статей главы 16 УК РФ, чем были вызваны указанные последствия и каким образом они наступили, имело ли место быть прямой причинно–следственной связью между деяниями обвиняемого и наступившими последствиями, могло ли виновное лицо осознавать причинно–следственную связь между деянием и наступившими последствиями. Во многом для того, чтобы правильно ответить на данный вопрос адвокату необходимо достаточно грубого знать механизмы совершения тех или иных преступлений, иными словами, уметь

осуществлять криминалистическое моделирование механизма совершения преступления (КЗ). Представляется, что по делам о преступлениях против жизни и здоровья осуществление криминалистического моделирования механизма совершения преступления невозможно без знания анатомии и физиологии человека, поэтому представляется целесообразным включение в учебный план для лиц, специализирующихся в области уголовного права и процесса указанных дисциплин.

Также представляется целесообразным при проведении практических занятий по дисциплинам уголовно–правового цикла использовать технологию виртуальных практикумов [8; с. 34-43]. Суть данной технологии состоит в том, что при помощи специализированного программного обеспечения осуществляется моделирование той или иной криминалистической ситуации, после чего студент заполняет весь комплекс процессуальных документов по данной ситуации, правильность заполнения которого проверяет преподаватель с последующим обсуждением данных документов в специализированном форуме. Подобного рода технология позволяет на наш взгляд обеспечить равный доступ лиц с ограниченными возможностями здоровья к передовым технологиям обучения, в том числе лиц с крайне тяжелой степенью расстройства здоровья (в том числе аутистов), которые могут быть использованы для обучения юристов в области уголовного судопроизводства. Но такие технологии обучения являются достаточно дорогими, поэтому не каждый юридический вуз их может себе позволить, но тем не менее хотелось бы констатировать, что несмотря на значительные материальные издержки [8; с 34-43] польза от внедрения таких технологий обучения достаточно велика, ибо они позволяют осуществлять инклюзивное юридическое образование в том числе повышение квалификации лиц с ограниченными возможностями здоровья в области уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2.
2. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания // http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/k4-svod_vse_sudy-2020.xls (дата обращения 12.05.2020).

3. Буфетова, М.Ш. Участие защитника при производстве судебной экспертизы: проблемы доказательственного аспекта / М.Ш. Буфетова, И.В. Демешко // Адвокатская практика. 2019. № 1. С. 5-8.
4. Быстрицкий, М. И. Переломы костей таза / М.И. Быстрицкий. Л., 1960. 110 с.
5. Володина, С.И. Адвокатура: учебник для бакалавров / С.И. Володина, А.Г. Кучерена, Ю.С. Пилипенко / отв. ред. Ю.С. Пилипенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 360 с.
6. Конин, В.В. Принятие Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве как попытка преодолеть пассивность при осуществлении функции защиты / В.В. Конин // Современное право. 2018. № 1. С. 110-114.
7. Лукинова, Н. Сычев Андрей Сергеевич – жертва дедовщины. Дело рядового Сычева // <https://www.syl.ru/article/422789/syichev-andrey-sergeevich---jertva-dedovschinyi-delo-ryadovogo-syicheva> (дата обращения 12.05.2021).
8. Осипов, М.Ю. О необходимости использования виртуальных практикумов для оценивания степени сформированности компетенций студентов по направлению подготовки «юриспруденция» / М.Ю. Осипов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 3. С. 34-43.
9. Плесовских, Ю.Г. Оценка судом заключений «правовых судебных экспертиз» в уголовном процессе / Ю.Г. Плесовских // Российский судья. 2006. № 9. С. 33-35.
10. Решетникова, И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное / И.В. Решетникова. М.: Статут, 2019. 510 с.
11. Сефикурбанов, К.С. К вопросу о реализации принципа состязательности при назначении и производстве судебной экспертизы в российском уголовном судопроизводстве / К.С. Сефикурбанов, З.Г. Раджабова // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 21. № 1. С. 140-144.
12. Шепелева, О.С. Юридическое образование и подготовка юристов: что может подсказать зарубежный опыт? / О.С. Шепелева // Закон. 2019. № 9. С. 65-74.
13. Эксархопуло, А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы / А.А. Эксархопуло // Вестник криминалистики. 2001. Вып. 2. С. 22-28.

УДК 340.13

**АРХАИЧНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА:
НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Плетников Виктор Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

**Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург, Россия
email: pvs80@mail.ru**

Плетникова Мария Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент

**Уральский юридический институт МВД России,
г. Екатеринбург, Россия
email: maka.pletnikova@mail.ru**

Аннотация: В статье обращено внимание на тот факт, что уголовно-процессуальный кодекс РФ не успевает за изменениями, происходящими в современном мире, и как следствие требует пристального внимания законодателя, деятельного участия правоприменителей и научной общественности. Поднимается проблема отсутствия системы взаимодействия между различными субъектами в процессе законотворческой работы, и, что более важно, отсутствие заинтересованности в модернизации у лиц, ответственных за данное направление.

Ключевые слова: применение права, УПК РФ, информационное общество, допрос, видеоконференц-связь.

ARCHAIC LAW ENFORCEMENT PROCEDURE OF THE CRIMINAL PROCEDURAL LAW: NEED FOR MODERNIZATION

Viktor S. Pletnikov

candidate of legal sciences, associate professor

**Ural State Law University,
Yekaterinburg, Russia
email: pvs80@mail.ru**

Maria S. Pletnikova
candidate of legal sciences, associate professor
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Yekaterinburg, Russia
e-mail: maka.pletnikova@mail.ru

Abstract: *The article draws attention to the fact that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not keep pace with the changes taking place in the modern world, and as a result requires the close attention of the legislator, the active participation of law enforcement officers and the scientific community. The problem of the absence of a system of interaction between various subjects in the process of legislative work is raised, and, more importantly, the lack of interest in modernization among those responsible for this area.*

Keywords: *application of law, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, information society, interrogation, videoconferencing.*

Информационное общество, к построению которого стремится Россия, требует от современных государств предоставить возможность человеку пользоваться техническими средствами передачи информации во всех сферах его жизнедеятельности.

Правоприменение как один из видов юридической деятельности не должно тормозить развитие современного общества, а правовое регулирование применения права, в ряде случаев, должно создавать качественный задел для развития других сфер деятельности человека, т.е. выступать моделью (образцом). Но приходится констатировать, с учетом современных требований общества (да и его возможностей), что качество правового регулирования уголовно-процессуального закона [2] требует более пристального внимания со стороны законодателя, даже в сравнении с другими процессуальными законами.

В современных условиях человек «привык» посещать магазин, записываться на прием (посещать) врача, совершать сделки, получать официальные документы – online. Чему способствуют различные online-сервисы, создаваемые как государством (муниципалитетами), так и гражданами, юридическими лицами. Но когда он попадает под действие норм Уголовно-процессуального кодекса РФ очень часто возникает ощущение, что пришлось «вернуться в прошлый век». О цифровой трансформации, о необходимости ее проведения, правоприменитель уголовно-процессуального закона, за исключением ст.

278.1 УПК РФ (на судебных стадиях) ничего не может сказать. Норм, которые бы позволили субъекту в сфере действия УПК РФ наблюдать реализацию государственной политики в данном направлении, просто нет. Законодатель не предоставляет субъектам, осуществляющим реализацию норм уголовно-процессуального закона на стадии предварительного расследования, возможность использовать достижения науки и техники. Хотя, например, АПК РФ [1] предоставляет возможность любому субъекту принять участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи (ст. 153.1).

Попытки, которые принимаются представителями законодательной власти уже на протяжении трех-пяти лет остаются только попытками. Для примера, обратим внимание на один из вопросов, который поднимается регулярно – допрос свидетеля с помощью видеоконференцсвязи. Законопроект № 434998-7 был внесен в Государственную Думу РФ 5 апреля 2018 года [6] и в результате перенесения, отложения рассмотрения был 8 октября 2020 года отозван субъектом права законодательной инициативы [5]. Прошло чуть больше полугода и в системе обеспечения законодательной деятельности вновь появляется аналогичного содержания законопроект – законопроект №1184595-7 [7], который содержит ряд моментов, требующих внимания после ознакомления с содержанием материалов по исследуемому вопросу. И которые наглядно демонстрируют не готовность современного общества к скорой модернизации уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, в тексте нового проекта были конкретизированы отдельные положения, ранее содержащиеся в старом тексте, например, расширен круг лиц, наделенных правами на проведение данного вида допроса, а также лиц, которые могут быть подвергнуты допросу в такой форме.

Во-вторых, в тексте нового проекта было сформулировано определение понятия «допрос посредством видеоконференцсвязи».

В-третьих, субъект права законодательной инициативы обратил внимание на необходимость соблюдения норм иных правовых актов, в частности, о государственной тайне.

Но после сравнения материалов законопроектов возникают вопросы: Инициаторы знакомы с инструментами и правилами юридической техники, которые должны быть применены в процессе подготовки текста законопроекта? Почему изначально текст был привязан к полномочиям следователя, а сегодня в группу субъектов, наделен-

ных соответствующими правами, был отнесен и дознаватель? Зачем необходима данная дефиниция, которая не формирует целостного представления о предлагаемой форме допроса? Может быть, стоит обратить внимание не на субъектов, которые могут быть подвергнуты допросу в данной форме, а на саму процедуру его проведения? И так далее.

А, наверно самое печальное, это то, что субъекты, которые обеспечивают качество законотворческой деятельности не предпринимают усилий для формирования комплексных рекомендаций лицам, наделенным правом законодательной инициативы. Так, в заключении Правительства РФ на законопроект (по законопроектам, предусмотренным ч. 3 ст. 104 Конституции Российской Федерации) (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству) № 2354п-П4 от 27 марта 2018 года, подписанное заместителем Председателя Правительства РФ руководителем Аппарата Правительства РФ С. Приходько, содержится замечание согласно которому инициаторы не учитывают тот факт, что «реализация законопроекта может привести к значительному увеличению дополнительных финансовых затрат из федерального бюджета на обеспечение технической возможности осуществления данного вида связи, приобретение необходимого оборудования и его обслуживание» [3]. При подготовке заключения Правительства РФ на новый текст законопроекта (по законопроектам, предусмотренным ч. 3 ст. 104 Конституции Российской Федерации) (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству) № 5029п-П4 от 26 мая 2021 года, подписанного заместителем Председателя Правительства РФ руководителем Аппарата Правительства РФ Д. Григоренко [4], такого замечания уже не содержится. А на юридической практике такого рода разноголосицы в деятельности законодателя, с сожалением приходится констатировать, приводят к возбуждению уголовных дел уже в отношении правоприменителей.

И последняя проблема, которая возникает в результате анализа готовности уголовно-процессуального закона меняться. Это пассивное отношение профессионального сообщества (практиков и ученых) к проблеме реформирования данного направления законодательства. Инициаторы совершенно не вспомнили о сервисе госуслуг или системах распознавания лиц (Face Recognition), а они бы могли обеспечить необходимый уровень идентификации субъектов.

В современных условиях построения информационного общества, цифровой трансформации необходимо мобилизовать всех заинтересованных субъектов в целях формирования качественной правовой основы, соответствующей требованиям времени и возможностям российского общества. Только взаимными усилиями возможно создание системы, способной сформировать комфортные условия жизнедеятельности человека.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СПС Консультант Плюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) // СПС Консультант Плюс.
3. Заключение на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ», вносимый в Государственную Думу членом Совета Федерации А.В. Кутеповым [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7> (дата обращения 01.06.2021 г.).
4. Заключение на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ», вносимый в Государственную Думу сенатором Совета Федерации А.В. Кутеповым [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7.7> (дата обращения 01.06.2021 г.).
5. Отзыв законопроекта № 434998-7 от 08.10.2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-77> (дата обращения 01.06.2021 г.).
6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: законопроект № 434998-7 от 05.04.2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-77> (дата обращения 01.06.2021 г.).
7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: законопроект № 1184595-7 от 02.06.2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-77> (дата обращения 01.06.2021 г.).

УДК 343.1

**РАЗРЕШЕНИЕ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ
ЗАСЕДАТЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПОТЕРПЕВШЕГО
ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Русаков Алексей Геннадьевич

старший преподаватель

**Красноярский государственный аграрный университет,
г. Красноярск, Россия
e-mail: rusalger@mail.ru**

Серета Ольга Викторовна

аспирант, ассистент

**Красноярский государственный аграрный университет,
г. Красноярск, Россия
e-mail: o.v.sereta@mail.ru**

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы разрешения гражданского иска, предъявленного потерпевшим от преступления; отражены особенности данной юридической процедуры при рассмотрении уголовного дела судом присяжных заседателей; изложены рекомендации по совершенствованию исследуемой процедуры в целях обеспечения защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, потерпевший, суд присяжных, гражданский иск, равенство сторон, защита прав потерпевшего.

**FEATURES OF PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS OF THE
VICTIM WITH SPECIAL NEEDS OF MENTAL DEVELOPMENT
IN THE COURT OF JURORS: LAW ENFORCEMENT ISSUES**

Alexey Rusakov

senior lecturer

**Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: rusalger@mail.ru**

Sereda Olga
phd student, teaching fellow
Krasnoyarsk state agrarian University, Krasnoyarsk,
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: o.v.sereda@mail.ru

Abstract: *The article deals with the current issues of resolving a civil claim. The article describes the features of this legal procedure when considering a criminal case by a jury; provides recommendations for improving the procedure under study in order to ensure the protection of the rights of victims in criminal proceedings.*

Keywords: *criminal proceedings, victim, jury trial, civil action, equality of the parties, protection of the rights of the victim.*

Статья 52 Конституции Российской Федерации предусматривает, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [2]. Указанные положения соответствуют Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 году [1]. Полагаем, что разрешение гражданского иска совместно с уголовным делом возможно лишь в случаях обеспечения единства уголовной и имущественной юридической ответственности [11].

Действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации закрепляет правовые основы охраны прав потерпевших в результате преступлений и гарантирует им доступ к правосудию и возмещение причинённого преступлением ущерба и компенсацию морального вреда.

Так, защита прав и имущественных интересов лиц, потерпевших от преступлений, согласно ст.6 и ст.11 УПК РФ является задачами уголовного судопроизводства, а охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве является по сути принципом уголовного процесса [7].

Говоря о требованиях, предъявляемых к гражданскому иску в уголовном деле, при рассмотрении в общем порядке судопроизводства, предъявляется по правилам гражданского процессуального законодательства, поэтому исковое заявление в уголовном деле должно

соответствовать требованиям, предусмотренным ст. ст. 131-132 ГПК РФ [3, 4, 5].

Согласно прямого указания закона суд, следователь и дознаватель должны разъяснять потерпевшему, его представителю или законному представителю, гражданскому истцу и его представителю, право на возмещение вреда и право на предъявление гражданского иска против обвиняемого, а также, связанные с этим процессуальные права и обязанности и их правовые последствия, обеспечивать реальную возможность реализации этих прав [6, 7].

В настоящее время ряд исследователей подчеркивают актуальность поднятых вопросов, их повышенную социальную значимость, отмечают неравное положение потерпевшего в уголовном процессе, его уязвимость по отношению к правовому положению подозреваемого, обвиняемого, указывают на недопустимость нарушений его права на возмещение вреда и на необходимость развития правовой регламентации порядка возмещения потерпевшему причинного преступлением вреда, значимость эффективности механизма правового регулирования исследуемой темы и пр. [8, 9, 10, 14, 15].

Считаем, что эти действия должны носить комплексный характер и обеспечивать возможность на досудебной стадии уголовного процесса принимать необходимые меры по обеспечению иска для реального исполнения судебного решения в данной части; разъяснять потерпевшим лицам механизм реализации их права на возмещение вреда, оказывать реальную помощь в оформлении исковых материалов и обеспечении их доказательствами. В противном случае, суд поступает следующим образом: разъясняет потерпевшему право на предъявление иска в общем порядке или оставляет исковое заявление без рассмотрения [11, 12].

Помимо нарушения прав потерпевших на возмещение причиненного преступлением вреда, указанные упущения подрывают у граждан веру в справедливое правосудие, возможность защитить свои права в суде, порождают недоверие к закону и нежелание сотрудничать с правоохранительными органами.

Авторы отмечают, что большинство исследователей указанных актуальных вопросов не учитывают в полной мере специфику судебного разбирательства уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей [8, 9, 10, 13].

Во-первых, по действующим правилам потерпевший (и гражданский истец) не вправе представлять доказательства в обоснование

заявленных ими требований в части гражданского иска во время исследования материалов дела присяжными заседателями. Полагаем, что в силу буквального толкования у положений ч.7 ст. 335 УПК РФ суд исследует в присутствии присяжных заседателей только доказательства, которые относятся к фактическим обстоятельствам уголовного дела, т.е. совершенного подсудимым противоправного деяния, а вопросы, связанные с разрешением гражданского иска, не обсуждаются.

Во-вторых, в соответствии со ст. 334 УПК РФ компетенции председательствующего по делу судьи и коллегии присяжных заседателей разграничены таким образом, что вопрос о возмещении причиненного преступлением вреда рассматривается судьей единолично после оглашения вердикта присяжных заседателей, т.е. на «втором» этапе рассмотрения уголовного дела.

В-третьих, в ходе судебного разбирательства при проведении судебного следствия и последующих прениях сторон, в присутствии присяжных заседателей не подлежат исследованию как в ходе судебного следствия, так и в прениях сторон, обстоятельства причинения имущественного и морального вреда потерпевшему, заявившему против подсудимого (подсудимых) гражданский иск.

В-четвертых, в силу указанных выше обстоятельств, судьбу гражданского иска по делу решает председательствующий судья единолично, и мнение присяжных заседателей по этому поводу не выясняется и не учитывается.

Полагаем, что описанный порядок рассмотрения и разрешения гражданского иска при рассмотрении уголовного дела судом присяжных противоречит здравому смыслу и сложившейся международной практике функционирования судов присяжных за рубежом.

Поскольку размер причиненного преступлением вреда напрямую влияет на квалификацию содеянного подсудимым, на признание его виновным в совершении противоправного причинения потерпевшему вреда (убытков и морального вреда), а признание подсудимого виновным, в свою очередь, влияет на решение вопроса об удовлетворении гражданского иска (полностью или частично), оба эти вопроса в комплексе должны обсуждаться присяжными заседателями в совещательной комнате при вынесении вердикта. В свою очередь, полагаем, что перед коллегией присяжных должны быть поставлены на разрешение и такие вопросы, которые касаются судьбы гражданского иска.

Думается, что имеющие место нарушения прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного преступлением вызваны, в частности, отсутствием у подавляющего большинства потерпевших квалифицированной юридической помощи, а также тем, что надзирающие прокуроры по закону имеют право, но не обязанность, предъявлять гражданский иск в защиту прав потерпевших в рамках уголовного дела.

Считаем возможным сформулировать ряд следующих предложений, призванных повысить эффективность процессуального механизма защиты прав потерпевших в целом, и реализации их права на возмещение причиненного преступлением вреда - в частности.

1. Усилить прокурорский надзор за дознанием и предварительным расследованием в части принятия на досудебной стадии мер, по оформлению гражданского иска, признания потерпевшего гражданским истцом и принятию мер по обеспечению иска.

2. Обязать надзирающих прокуроров, в случае необходимости, предъявлять от своего имени (процессуальный истец) в интересах потерпевших гражданские иски о причинении вреда преступлениями.

3. Обеспечить потерпевшим при рассмотрении уголовных дел судом присяжных квалифицированную юридическую помощь путем привлечения к участию в процессе на их стороне адвокатов по назначению за счет средств казны Российской Федерации.

4. Вопрос о судьбе гражданского иска передавать на обсуждение и рассмотрение присяжным заседателям по общим правилам уголовного судопроизводства, т.е. одновременно с решением вопроса о виновности подсудимого при вынесении вердикта.

Полагаем, что реализация указанных предложений позволит обеспечить полноценную реализацию прав потерпевших от преступлений на возмещение имущественного вреда и компенсацию морального вреда при рассмотрении уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей.

Список литературы

1. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (принята на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года)

[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения 31.05.2021)

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения 31.05.2021 г.).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения 31.05.2021 г.).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения 31.05.2021 г.).

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения 31.05.2021 г.).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г., с изм. от 08.04.2021 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения 31.05.2021 г.).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г., с изм. от 13.05.2021 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения 31.05.2021 г.).

8. Власов, А. Возмещение вреда жертвам преступлений / А. Власов // [Электронный ресурс] https://juristlib.ru/book_2015.html(дата доступа 31.05.2021 г.).

9. Денисов, Ю. Компенсация морального вреда и возмещение ущерба как средство предупреждения преступлений / Ю. Денисов // Законность. 2006. № 9(863). С. 2-4.

10. Кривошеков, Н. В. Компенсация морального вреда: некоторые аспекты / Н. В. Кривошеков // Юрист. 2005. № 4. С. 2-3.

11. Русаков, А. Г. Возмещение вреда, причиненного хищением чужого имущества / А. Г. Русаков // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: Материалы международной научной конференции, Красноярск, 05 декабря 2019 года / Отв. за выпуск В.Л. Бопп, Е.А. Ерахтина. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2020. С. 92-96.

12. Русаков, А. Г. Гражданский иск в уголовном деле / А. Г. Русаков // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: Материалы международной научной конфе-

ренции, Красноярск, 05 декабря 2019 года / Отв. за выпуск В.Л. Бопп, Е.А. Ерахтина. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 263-267.

13. Серeda, О. В. Суд присяжных в России: сущность и тенденции развития. Социально-правовые аспекты / О. В. Серeda // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2019. № 31. С. 19.

14. Тепляшин, И.В. Эффективность механизма правового регулирования: анализ подходов / И.В. Тепляшин, Г.Г. Фастович // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3. С. 21.

15. Тепляшин, И.В. Участие граждан в осуществлении правоохранительной функции государства: правовые возможности и формы реализации / И.В. Тепляшин, Д.О. Новиков // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1 (50). С. 73-79.

УДК 340.1*342.571

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ: ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ

Тепляшин Иван Владимирович

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: ivt-sl@yandex.ru

Аннотация: При исследовании вопросов функционирования судебной власти значимым представляется вопрос о возможности участия граждан в правосудии. Подчеркивается важность включенности институтов гражданского общества в деятельность органов государства, судебных органов. В статье указываются принципы и формы участия граждан в отправлении правосудия как условия качественного развития демократического и социального государства. В рамках проведенного исследования устанавливается перспективность общественного правового воздействия на правосудие как одного из важных условий соблюдения прав и законных интересов когнитивно-уязвимых участников юридической деятельности.

Ключевые слова: правосудие, судебная власть, присяжные заседатели, гражданское общество, права человека, демократия, социальное государство.

CITIZEN PARTICIPATION IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE: PRINCIPLES AND FORMS

Teplyashin Ivan Vladimirovich
candidate of legal sciences, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: ivt-sl@yandex.ru

Abstract: *In the study of the functioning of the judiciary, the question of the possibility of citizens' participation in justice is significant. The importance of the involvement of civil society institutions in the activities of State bodies and the judiciary is emphasized. The article specifies the principles and forms of citizens' participation in the administration of justice as conditions for the qualitative development of a democratic and social state. Within the framework of the conducted research, the prospects of public legal influence on justice are established as one of the important conditions for the observance of the rights and legitimate interests of cognitively vulnerable participants in legal activity.*

Keywords: *justice, judicial power, jurors, civil society, human rights, democracy, social state.*

Современное государство демонстрирует возможности институтов гражданского общества в осуществлении своих законных интересов и стремлений. Прежде всего, граждане реализуют субъективные права в механизме управления делами государства. Особое место в данных управленческих мероприятиях отводится сфере правосудия, где претворяются в жизнь необходимые и перспективные принципы и формы участия граждан в справедливой и эффективной деятельности судов.

Правосудие способно выступить своеобразной площадкой для имплементации регулятивных начал солидаризма, социальной помощи, личностно-ориентированной и интерактивной модели управленческих отношений в систему нормативных механизмов и правоустановлений. Надо заметить, что сегодня вопросы выявления оптималь-

ной модели правового регулирования соответствующих государственных и юридических систем прошлого и современности выступают предметом системного научного исследования [9].

В настоящее время российское законодательство устанавливает общие и специальные принципы правосудия. В преломлении к институту участия граждан в правосудии можно назвать следующие исходные начала такой правовой деятельности.

Общие принципы: реализация положений правового государства, демократизм, законность, приоритет прав и свобод человека и гражданина, высшая юридическая сила и верховенство Конституции РФ. При этом Основной закон государства напрямую закрепляет право граждан участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ) [1].

Специальные принципы: обеспеченность доступа потерпевших к правосудию и компенсации причиненного ущерба, открытость судебного разбирательства, возможность осуществления правосудия с участием присяжных заседателей, полное и независимое осуществление правосудия (ст. 52, 123, 124 Конституции РФ). В силу складывающейся конституционной практики общественного присутствия в судебных процедурах законодателю следует уделить внимание эффективности правосудия с учетом сохранения законных интересов субъектов судопроизводства с ограниченными возможностями; а также механизму привлечения экспертного сообщества к обеспечению надлежащего социального партнерства, помощи в защите прав и свобод социально уязвимой категории граждан, участвующих в правовой деятельности. В условиях последовательного развития правосудия в географическом правовом пространстве в стороне не должны оставаться вопросы широкого использования телекоммуникационных ресурсов.

Отмеченные исходные начала правосудия способны укрепить принципы, правила, функции, позитивные тенденции правового взаимодействия в системе профессиональных институтов гражданского общества и правовой жизни в целом [8; с. 56-74], а также модернизировать практику общественного присутствия в системе правосудия, сфокусировать координаты правосудия на социально-когнитивной области российского общества.

Формами участия граждан в осуществлении правосудия выступают организационно-правовые, информационные и коммуникаци-

онные средства и направления работы негосударственных структур в деятельности судов. К таким формам можно отнести:

1. Деятельность присяжных и арбитражных заседателей [2], что является важнейшим направлением участия граждан в отправлении правосудия. При этом в специальной литературе отмечается, что на долю судебных решений с участием арбитражных заседателей приходится менее одного процента от общего числа всех решений арбитражных судов [7; с. 51].

2. Выборы мировых судей населением соответствующего судебного участка, что допускается российским законодательством [3]. Но фактически этот институт не реализуется ни в одном субъекте России. Во всех субъектах корпус мировых судей формируется вторым способом: парламентами субъектов в порядке назначения или путем избрания [7; с. 50]. Тем не менее, институт избрания мировых судей непосредственно населением является резервом вовлечения граждан в механизм осуществления судебной власти.

3. Адвокатура как профессиональный институт гражданского общества, осуществляющий квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию [4].

4. Экспертная деятельность, осуществляемая негосударственными экспертами и соответствующими специалистами применительно к формированию правовых материалов в работе суда и реализации судебными органами задач и функций в осуществлении справедливого и объективного правосудия.

5. Участие граждан (специалистов, экспертов, ученых) в работе органов судейского сообщества: Всероссийском съезде судей, Совете судей Российской Федерации, Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи, а также соответствующих структурах на уровне субъектов Российской Федерации.

6. Осуществление права граждан на правосудие в качестве участника судопроизводства: статистов, свидетелей, переводчиков, частных обвинителей, законных представителей, представителей сторон и пр.

Могут быть названы иные второстепенные формы участия граждан в правореализационных, информационных, правопримени-

тельных, коммуникативных процедурах правосудия [5, 6], что указывает на достаточную вариативность осуществления негосударственными структурами своих организационных инициатив и вектора правовых движений.

В итоге институт участия граждан в деятельности органов судебной власти демонстрирует свой организационно-институциональный потенциал, выступая характерным показателем правовой активности гражданского общества и претворения в жизнь общих и специальных атрибутов социальной политики государства. В свою очередь в исследуемой сфере происходит апробация исходных принципов и форм гарантирования прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства с когнитивными особенностями.

Список литературы

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.

2. Федеральный закон от 30.05.2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2288.

3. Федеральный закон от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

4. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

5. Бекишиева, С.Р. Общественное правосудие как элемент гражданского общества / С.Р. Бекишиева // Юридический вестник ДГУ. 2014. № 4. С. 12-15.

6. Богатова, Е.В. Эффективность взаимодействия органов судебной власти с негосударственными структурами / Е.В. Богатова, С.А. Феллер // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XVI всероссийской национальной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня основания Новосибирского ГАУ (Новосибирск, 20 ноября 2020 г.). Новосиб. гос. аграр. ун-т. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2020 С. 65-69.

7. Джавахян, Р.М. Совершенствование форм участия граждан в осуществлении правосудия как механизм конституционного преобразования судебной власти / Р.М. Джавахян // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 45-54.

8. Панченко, В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: монография / В.Ю. Панченко. М.: Проспект, 2015. 232 с.

9. Плетников, В.С. Первый шаг в формировании нормативной модели общенародного советского государства: проблемы и значение для современной России (на примере отечественного конституционного законодательства) / В.С. Плетников // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 16-21.

УДК 340.130

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ
КОМПЕНСАТОРНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОЙ
ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

Тепляшин Павел Владимирович

доктор юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России,

г. Красноярск, Россия

email: pavlushat@mail.ru

Аннотация: Продемонстрировано, что в настоящее время правовые регуляторы отстают от стремительно растущих потребностей личности. Показаны отдельные юридические лакуны и правовые коллизии в регулировании общественных отношений. Представлена роль парадигмы солидаризма, справедливости, интерактивности и когнитивных особенностей личности в правотворческой и правоприменительной деятельности государства. Делается вывод об отставании праворегуляторной деятельности от реальных потребностей общества в закреплении, обеспечении и (или) соблюдении правового статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: биологические потребности, естественное право, интересы личности, личностно-ориентированные потребно-

сти человека, правоприменительная практика, уголовно-исполнительная область, уязвимые категории граждан.

SOCIO-LEGAL CONDITIONALITY OF THE IMPLEMENTATION OF THE COMPENSATORY APPROACH IN THE MODERN LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE STATE

Teplyashin Pavel Vladimirovich

doctor of legal sciences, associate professor

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Krasnoyarsk, Russia

email: pavlushat@mail.ru

Abstract: *It is demonstrated that legal regulators are currently lagging behind the rapidly growing needs of the individual. Separate legal gaps and legal conflicts in the regulation of public relations are shown. The role of the paradigm of solidarity, justice, interactivity and cognitive characteristics of the individual in the law-making and law-enforcement activities of the state is presented. It is concluded that the legal regulatory activities lag behind the real needs of society in securing, ensuring and (or) observing the legal status of persons with disabilities.*

Keywords: *biological needs, natural law, interests of the individual, personality-oriented human needs, law enforcement practice, penal enforcement area, vulnerable categories of citizens.*

Современное государство находится в состоянии перманентной нормотворческой и правоприменительной «турбулентности», которая, с одной стороны, начинает нивелировать классические представления о природе права, а точнее о регуляторных функциях права, с другой – заставляет как законодателя, так и правоприменителя кардинально корректировать приемы и способы своей деятельности, причем зачастую «что называется с колёс»!

В этих условиях особое значение приобретает компенсаторный подход в законодательской и правоприменительной деятельности, который характеризуется лично-ориентированным, прогрессивным и интерактивным отношением к норме права и механизмам её применения. Специфика компенсаторного подхода заключается в его практикоориентированности и полезности по принципу «здесь и сейчас», что предполагает высокую степень мобильности и оперативно-

сти принимаемых законотворческих и правоприменительных решений либо их приемлемости для стремительно трансформирующихся общественных отношений.

В контексте компенсаторного подхода в законотворческой и правоприменительной деятельности следует иметь ввиду универсальность права, заключающуюся в её цивилизационном отражении интересов не отдельно взятых социальных групп, но в её обеспечении общечеловеческой справедливости. Кроме того, право ориентировано на охрану социальных групп, общества, государства и даже международного сообщества. Однако, в реальной действительности такие «противоречия» встречаются достаточно часто. Это вызвано процессом, который условно можно назвать «гиперинфляцией права» (не подменяем термином «девальвация права»), то есть ростом числа правовых регуляторов персональных интересов личности, что, в свою очередь, обусловлено возрастанием в жизни современного человека различных биологических потребностей, общественных установок, личностных притязаний. При этом активное использование информационно-телекоммуникационных технологий обеспечивает высокую скорость «оборота» интересов личности, а бесконечное многообразие элементов современной системы «спрос – предложение» отчасти сглаживает волевые способности человека. В таких условиях появляется критическое представление относительно определения закона Георгом Гегелем: «Закон есть абстрактное выражение всеобщей, в себе и для себя существующей воли». В свою очередь шестой технологический уклад и эскалация естественно-научных знаний ставит под сомнение реалистичность доктринальной идеи о том, что естественное право должно соответствовать смыслу положительного права и выступать мерилем прогрессивности, реакционности и даже авангардности права, реализованного в конкретно взятом государстве в современных исторических условиях.

Однако расширение прав граждан – это во многом гарантия, как ни странно, мирного сосуществования, с одной стороны, общества и государства, с другой – государства и общества. Такое взаимопонимание отражает моральные принципы и противопоставляется явлениям негативным и враждебным человеческой природе. Ведь не случайно ст. 2 Конституции Российской Федерации закрепляет важнейший постулат о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Иными словами, взаимодействие государства и личности противопоставлено кон-

фликтности, базируется на идее личностно-ориентированного и интерактивного отношения к норме права и механизмам её применения.

В современном мире правовые регуляторы начинают отставать от стремительно растущих потребностей личности. Соответственно, образуются юридические лакуны и правовые коллизии в регулировании общественных отношений. В этих условиях крайне важно использовать компенсаторный подход в законотворческой и правоприменительной деятельности. Например, 1 января 2021 года вступил в силу федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который направлен на регулирование оборота криптографических финансовых средств. Однако данный закон распространяет свое действие не на все типы криптовалюты (в частности, «выпали» из сферы его действия используемые в электронной коммерции сертификаты). Также остался юридической лакуной вопрос о регулировании так называемого цифрового «майнинга», то есть процесса добавления переводов в реестр биткоина. Кроме того, без должного правового регулирования остался процесс налогового режима при совершении сделок с криптовалютой.

Квинтэссенция правовой и социальной обусловленности использования компенсаторного подхода в современной законотворческой и правоприменительной деятельности заключается в нетипичности и экстрасложности задач, которые ставятся перед современной Россией. Так, в указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Указ) среди целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 году, можно отметить повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет, вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования, обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового. Крайне важно, чтобы подобные показатели шли в унисон социальной солидарности по их достижению. Такая гармоничность несовместима с идеей принуждения, которая, в том числе, расходится с компенсаторным подходом в современной законотворческой и правоприменительной деятельности. Ведь именно под влиянием гуманитарных ценностей феномен социальной солидарности, выражающийся, в частности, в обязанности государства обеспечивать правовую защиту и личную безопасность граждан, приобрел универсальный характер и стал восприниматься как «общенаучный факт». В этой связи заметим,

что в настоящее время наблюдается постепенное налаживание правового механизма по формированию единства интересов между государством, обществом и человеком. Именно парадигма солидаризма в правотворческой и правоприменительной деятельности выступает альтернативой жесткому давлению на проявления различных потребностей личности.

Как представляется, использование компенсаторного подхода должно приводить среди населения к росту когнитивных способностей, к осознанной оценке законотворческих нововведений и правоприменительных решений, а также к формированию доверия к закону. В свою очередь магистральный функционал правоприменительной практики должен аккумулироваться в сторону поддержания и укрепления коллективного сознания, лежащего в основе социальной солидарности о том, что принимаемые в своем большинстве правоприменительные решения выражают единство общественных интересов, задач и стандартов в сфере социального прогресса, укреплять идею о том, что мы живем в упорядоченной и безопасной среде. Полагаем, что так называемый гражданский активизм следует развивать в большинстве принимаемых правовых актов и практике их реализации. Причем пандемийные условия выступили масштабным опытом коллективной самоорганизации и проверки на прочность действия правовых предписаний. Именно здесь актуализировались личностно-ориентированные потребности человека и интерактивный способ регулирования его поведения.

В этой связи представляют интерес результаты опроса общественного мнения. Так, по данным ВЦИОМ, в апреле 2020 года 77 % опрошенных говорили, что волонтеры существенно помогают в условиях ковида [1]. Однако законотворческий «воз и ныне там». Например, федеральный закон от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» до сих пор не отражает интерактивные формы волонтерской деятельности, виртуальные способы добровольчества. Например, ст. 17.1. «Права и обязанности добровольца (волонтера)» предусматривает исключительно физический контакт волонтера с гражданами. При этом нельзя не заметить, что согласно Указа одним из целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 году, выступает «увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлеченных в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15 процентов».

Кстати, своеобразный оксюморон можно наблюдать относительно такого нововведения в образовательную сферу как просвети-

тельская деятельность. Не вдаваясь в общеизвестную критику данного законодательного нововведения, лишь отметим, что по результатам исследования Левада-Центра 71 % россиян ничего не слышали о таком и только 23 % что-то слышали. Тогда как на вопрос об оценке данного нововведения 36 % опрошенных заявили, что оно направлено на усиление цензуры, 30 % – что закон нужен для борьбы с антироссийской пропагандой и 34 % затруднились ответить [6].

Данные примеры, с одной стороны, указывают на существенное нивелирование компенсаторного подхода в современной законотворческой и правоприменительной деятельности и отсутствие процесса выстраивания коммуникаций в системе «законодатель – общество – правоприменитель – человек», с другой – демонстрируют целесообразность формирования инновационных взглядов на развитие правотворческой деятельности, о чем уже упоминалось научной общественностью [7; с. 12-17].

Учет когнитивных особенностей личности проявляется и в регулировании общественных отношений, в структуре которых активным элементом выступают лица с ограниченными возможностями здоровья. К сожалению, приходится констатировать отставание правотворческой деятельности от реальных потребностей общества в закреплении, обеспечении и (или) соблюдении правового статуса данных лиц. Правоприменительная практика показывает, что так называемое инклюзивное право до сих пор находится в стадии формирования. Данной проблемой охвачены различные отрасли права – семейное, трудовое, уголовно-процессуальное etc. Особый научный интерес представляет уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная области взаимодействия общества и государства, в плоскости которых лица с ограниченными возможностями здоровья выступают наиболее уязвимыми категориями граждан, степень защищенности которых в основном зависит от декларативных положений соответствующих правовых норм. Существующая правоприменительная практика показывает, что, например, реализация положений п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ не приводит к повсеместному и полному обеспечению прав обозначенных лиц [2]. Применительно к проблеме полноценного обеспечения прав лиц с ограниченными возможностями здоровья-участниками уголовного судопроизводства С.М. Курбатова справедливо отмечает, что уголовно-процессуальное законодательство «не содержит норм, которые бы на основе комплексного, системного подхода регулировали бы данную ситуацию» [4; с. 63]. Можно встретить существенные нарекания относительно эффективности правового регулирования и социально-психологического по-

ложения лиц с ограниченными возможностями здоровья в местах лишения свободы [3, 5].

Изложенный материал не претендует на «истину в последней инстанции», но демонстрирует актуальность поставленной проблемы и необходимость её дальнейшей теоретической проработки.

Список литературы

1. ВЦИОМ. Аналитический обзор «Волонтеры помогают пострадавшим от пандемии» от 13 апреля 2020 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-pomogayut-postradavshim-otpandemii> (дата обращения 01.06.2021 г.).

2. Кострица, Я.А. О полноте отражения в статье 51 УПК РФ оснований и субъектов обеспечения обязательного участия защитника / Я.А. Кострица // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 81-84.

3. Котова, Е.В. Социально-психологическое положение инвалидов в местах лишения свободы / Е.В. Котова // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4 (36). С. 76-85.

4. Курбатова, С.М. Некоторые особенности участия лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве / С.М. Курбатова // Уголовная политика в сфере обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и использования современных технологий: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 62-65.

5. Кус, А.М. Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных инвалидов и пути их разрешения / А.М. Кус, О.Н. Ничуговская // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Воронежский институт ФСИН России, 2016. С. 311-313.

6. Левада-Центр. Закон о просветительской деятельности. 12 апреля 2021 года. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/12/zakon-o-prosvetitelskoj-deyatelnosti/>.

7. Тепляшин, И.В. Правовая инноватика: контуры исследования / И.В. Тепляшин // Российский юридический журнал. 2012. № 2 (83). С. 9-19.

УДК 340.13*342.7

ПРИНЦИПЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ткаченко Анна Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

annavl.tkachenko@gmail.com

***Аннотация:** В статье рассматривается понятие права, сущность и ценность права, понятие правоприменения, а также требования (принципы) правоприменения, устанавливается их взаимосвязь и взаимодействие. Раскрывается сущность социального государства в соответствии с его конституционным закреплением. Автор приходит к выводу о необходимости системного исследования правоприменения как сложного правового явления в социальном государстве.*

***Ключевые слова:** право, правоприменение, субъект права, эффективность права, требования (принципы) правоприменения, социальное государство.*

PRINCIPLES OF LAW ENFORCEMENT IN A SOCIAL STATE

Tkachenko Anna Valerievna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

annavl.tkachenko@gmail.com

***Abstract:** The article examines the concept of law, the essence and value of law, the concept of law enforcement, as well as the requirements (principles) of law enforcement, examines their relationship and interaction. The essence of the social state is revealed in accordance with its constitutional consolidation.*

***Keywords:** law, law enforcement, requirements (principles) of law enforcement, welfare state.*

Прежде чем, дать определение правоприменения, обратимся к понятию, сущности и ценности права. Исследователь права М.И. Байтин указывает, «что есть право – один из наиболее важных, сложных, полемических вопросов правоведения, неизменно привлекающий к себе внимание человечества с тех пор, как оно, едва преодолев порог между родовым и классовоорганизованным обществом, столкнулось с первыми ростками цивилизации» [3; с. 17].

Сущность и ценность права – это две главные основополагающие характеристики права, позволяющие оценить предназначение этих категории в регулировании общественных отношений. Кроме этого, следует отметить, что в историческом измерении право наделялось социальными ценностями, определяло ключевые начала правомерного поведения личности, его воспитание и изменение правового мышления в социуме [9; с. 113-114].

Для того чтобы механизм реализации права эффективно действовал, нормы права применялись государством, требуется правоприменение, основанное на определенных принципах.

Л.В. Мальцева определяет применение права следующим образом «Применение права - одна из форм государственной деятельности, направленная на реализацию правовых предписаний в жизнь. Правоприменение — это решение конкретного дела, жизненного случая, определенной правовой ситуации; «приложение» закона, общих правовых норм к конкретным лицам, конкретным обстоятельствам, это операция не над нормой, а над фактом с использованием нормы» [7; с. 77-78].

Не расходится с предыдущей точкой зрения и мнение О.Е. Серёгиной о том, что «под применением права понимается как осуществляемая в специально установленных законом формах государственно-организующая деятельность компетентных органов по реализации норм права в конкретных жизненных ситуациях, при которой выносятся правовой акт, предусматривающий определённые обязательные правовые последствия» [8; с. 133-136].

Под принципами права следует понимать исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), определяющие об-

щую направленность правового регулирования общественных отношений.

В части 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации провозглашено, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. В связи с чем, следует отметить, что деятельность социального государства направлена на обеспечение социального благополучия граждан, в том числе их прав и свобод, когда возникает необходимость в правоприменении.

Рассмотрим требования к правоприменению в условиях реализации основ социального государства.

Центральным и универсальным является, без сомнения, принцип законности и приоритета социальных прав граждан. Обоснованность выступает также важным и магистральным началом правоприменения и предполагает, что в процессе применения права имеет значение интересы субъектов права.

В свою очередь требование целесообразности позволяет принять решение, которое оптимально будет соответствовать здравому смыслу применяемого в деле закона, несмотря на предоставленную правовой нормой вариативность при принятии решения [2; с. 4-5].

Справедливость выступает в качестве одного из ведущих принципов применения права, находящихся в тесной взаимосвязи с другими исходными социально-правовыми началами данного сложного явления. Стоит отметить, что справедливость как принцип социального государства может осуществляться в общественно-политической сфере [6; с. 138-147], формировании молодежной политики [5; с. 89-95], функционировании органов власти, гарантировании правопорядка и законности [4; с. 36-40] и пр.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что правоприменение выступает комплексным принципом и гарантией социального государства, обеспечивает воплощение в жизнь социально-экономических интересов и предпочтений российских граждан. И только в демократическом социальном государстве правоприменение осуществляется в соответствии с фундаментальными принципами права: законности, обоснованности, целесообразности и справедли-

вости. В России правоприменительная деятельность государственных органов направлена на правовую защиту граждан, на обеспечение их прав и свобод.

Список литературы

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.

2. Алексеева, Л.А. Принципы правоприменительной деятельности как особой формы правореализации / Л.А. Алексеева // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4. С. 3-8.

3. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. Саратов: СГАП, 2001. 416 с.

4. Безруков, А.В. Роль общественности в укреплении конституционного правопорядка в России / А.В. Безруков, И.В. Тепляшин // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 36-40.

5. Богатова, Е.В. Участие молодежи в реализации общественных инициатив: некоторые вопросы развития / Е.В. Богатова, А.В. Ткаченко // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 89-95.

6. Игнатенко, В.А. Исследование проблем в противодействии коррупции институтами гражданского общества / В.А. Игнатенко // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 1. № 9. С. 138-147.

7. Мальцева, Л.В. Применение права в современном обществе / Л.В. Мальцева // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1. С.77-81.

8. Серёгина, О.Е. Применение права как особая форма его реализации / О.Е. Серёгина // Право и государство: теория и практика. 2009. № 5(53). С.133-136.

9. Тепляшин, П.В. Принципы философии наказания и тюремного Уильяма Палея / П.В. Тепляшин // Государство и право. 2005. № 2. С. 112-115.

УДК 340.1*342.7

**О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРАЖДАН: НЕКОТОРЫЕ
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ**

Фастович Галина Геннадьевна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

e-mail: fastovich-85@mail.ru

***Аннотация:** В статье уделяется внимание выработке эффективных мер государственной поддержки социальной сферы Российской Федерации. Подчеркивается важность исследования состояния и уровня системы социальных гарантий, которые способны выступить фактором качественной деятельности и функционирования органов государственной власти. Автор научной работы приходит к выводу, что вопросы модернизации деятельности органов государственной власти напрямую влияют на повышение качества социальных преобразований и поддержки маломобильной категории граждан.*

***Ключевые слова:** социальное регулирование, эффективность государственного механизма, модернизация системы социального регулирования, государственный механизм, лица с ограниченными возможностями здоровья.*

**ON MEASURES OF STATE SUPPORT FOR PEOPLE WITH
LIMITED MOBILITY: SOME QUESTIONS OF THEORY**

Fastovich Galina Gennadievna

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

e-mail: fastovich-85@mail.ru

***Abstract:** The article focuses on the development of effective measures of state support for the social sphere of the Russian Federation. The importance of studying the state and level of the system of social guarantees, which can act as a factor in the quality of the functioning of*

state authorities, is emphasized. The author of this work comes to the conclusion that the issues of modernization of the activities of state authorities directly affect the improvement of the quality of social transformations and support for the disabled category of citizens.

Keywords: *social regulation, efficiency of the state mechanism, modernization of the system of social regulation, state mechanism, persons with disabilities.*

Социальная политика российского государства по поддержке маломобильной группы граждан, проживающей на территории Российской Федерации в современный этап развития, ожидает от функционирования государственного механизма и деятельности государственных/муниципальных служащих эффективной деятельности по модернизации органов государственной власти. Отметим, что любые изменения, как на уровне законодательной ветви власти, так и в исполнительной деятельности, базируются на таких принципах государственного устройства, как легитимность публичной власти, легальность, соблюдение прав и законных интересов граждан, приоритет социальной политики.

В современных условиях, когда одним из основных критериев эффективности государственной власти является противодействие коррупции и создание условий для системного диалога общества и государства [2; с. 169-173], поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья, социальная политика приобретает все большее значение и правовое звучание, что является одной из императивных обязанностей государства, которая закреплена в Конституции Российской Федерации и на которую гражданин имеет субъективное право. В свою очередь маломобильные граждане – это инвалиды всех категорий, к которым относятся лица, имеющие нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приведшими к ограничению жизнедеятельности, и вызывающее необходимость их социальной защиты; лица пожилого возраста; граждане с малолетними детьми, в том числе использующие детские коляски; другие лица с ограниченными способностями или возможностями самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, вынужденные в силу устойчивого или временного физического недостатка использовать для своего передвижения необходимые средства, приспособления и собак – проводников. Направленность российского государства на повышение эффективности социальной политики и качественного

повышения государственных услуг для указанной категории граждан обуславливает эффективное взаимодействие всех звеньев органов государственной власти [5; с. 43-47].

Эффективные меры органов государственной власти по созданию условий для маломобильной категории способствует позиционированию граждан как активной и любознательной личностью, которая, в свою очередь является одним из фундаментов формирования политически сильного государства и эффективного гражданского общества [7; с. 32-35]. Как и любому гражданину необходимо эффективное, дееспособное государство, именно эта взаимосвязь формирует активное, действенное гражданское общество. Данное утверждение имеет основополагающее значение, поскольку от сильной, политически активной личности зависит функционирование государственного устройства, гражданского общества, системы эффективной власти муниципалитетов в современной России [3; с. 140-145]. Модернизация системы социальной политики в России напрямую связана с деятельностью государственного механизма, которая воплощена в системе баланса интересов государственного механизма и отдельно взятой личности, с оговоркой, что личность обладает качествами социально-нравственными, а не потребительскими. В тоже время, повышение эффективности функционирования органов государственной власти невозможно качественно осуществить без действенной, эффективной системы социальных гарантий для всех слоев населения [5; с. 114-116].

Президентом России В.В. Путиным поставлена стратегическая задача радикального изменения курса дальнейшего развития страны и проведения крупных преобразований практически во всех основных сферах жизнедеятельности российского общества на период до 2030 года. Для решения такой крупномасштабной задачи требуется совершенно новый подход к проблемам развития человеческого потенциала и включения в политические дела государства маломобильных граждан, тем самым способствуя их позиционированию себя, как полноценным субъектом государственного воздействия [1]. В самом широком смысле фактором, связующим личность и государство, является право и выстраиваемая на его основе политико-правовая активность граждан.

Сильное, эффективное государство – это государство, способное создать цивилизованную, внутренне согласованную систему правовых норм (систему права), которые обеспечивают инициативу, социально-правовую активность и самоуправление граждан, повышают их роль в управлении делами государства, устанавливают качественный

общественный контроль над деятельностью органов государственной власти [6; с. 29-31]. Вопросы по совершенствованию условий реализации государственной поддержки в отношении маломобильной категории граждан современной России - являются одним из основополагающих принципов реализации в современной России основ правового государства, важным средством выстраивания взаимного диалога между гражданами и государством, что в свою очередь является объективным условием для формирования социальной юридической практики и качественного развития общества.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 20. Ст. 4884.
2. Богатова, Е.В. Причины коррупции: некоторые вопросы содержания и развития / Е.В. Богатова, А.С. Бакаляс // Право и образование. 2019. № 2. С. 169-173.
3. Игнатенко, В.А. Исследование проблем в противодействии коррупции институтами гражданского общества / В.А. Игнатенко // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 1. № 9. С. 138-147.
4. Тепляшин, И.В. Критерии эффективности государственного механизма: общетеоретический анализ / И.В. Тепляшин, Г.Г. Фастович // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 43-47.
5. Тепляшин, И.В. Критерии эффективности государственного механизма: общетеоретический анализ / И.В. Тепляшин, Г.Г. Фастович // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. Сборник докладов Международной научной конференции (Красноярск, 30 сентября-1 октября 2010 года). Красноярск: Центр информации, 2011. С. 114-116.
6. Фастович, Г.Г. Модернизация системы высшего образования как фактор повышения эффективности деятельности государственного механизма / Г.Г. Фастович, С.В. Бондаренко // Право и государство: теория и практика. 2019. № 1 (169). С. 29-31.
7. Фастович, Г.Г. К вопросу о защите прав человека (на примере анализа Постановлений Конституционного суда Российской Федерации) / Г.Г. Фастович // Аграрное и земельное право. 2019 г. № 4 (172). С. 32-35.

UDK 343.1

**CURRENT RESEARCH ON LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS
WITH SPECIAL NEEDS IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Bershadskaiia Svetlana Vyacheslavovna

Senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

e-mail: bsv97@yandex.ru

Abstract: *the article investigates contemporary discussions on a number of issues related to the concepts of “cognitive functions”, “individuals with cognitive disability”, “identification of legal competence”, “legal status in criminal proceedings” reflected in the works of Russian legal scholars. The article argues the importance of taking into consideration the above-mentioned concepts to secure the criminal procedure status of the participants with special needs as a guarantee of the priority of the rights and freedoms of a human and a citizen.*

Keywords: *human rights, cognitive function, individuals with cognitive disability, identification of legal competence, criminal proceedings.*

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА
УЧАСТНИКОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ ИЗ ЧИСЛА ЛИЦ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

Бершадская Светлана Вячеславовна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

e-mail: bsv97@yandex.ru

Аннотация: *в статье рассмотрен ряд актуальных вопросов, связанных с исследованием категорий «когнитивные свойства человека», «лица с ограниченными возможностями», «уголовно-процессуальная дееспособность», «права и интересы участников уголовного судопроизводства», нашедших отражение в трудах российских правоведов. Отмечается важность учета указанных категорий как одной из гарантий соблюдения прав человека в уголовном судопроизводстве.*

Ключевые слова: права человека, когнитивные свойства, лица с ограниченными возможностями, уголовно-процессуальная дееспособность, уголовное судопроизводство.

The various issues associated with identification of legal competence and above all limited one have become a more pressing imperative at present. They correspond to a deeper common understanding on the importance of human rights and the need for a mechanism for their full enjoyment in various areas, particularly criminal procedure.

The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities adopted by the General Assembly on 13 December 2006 recognizes “the need to promote and protect the human rights of all persons with disabilities, including those who require more intensive support”. Article 12 (2) of the Convention qualifies states parties to ensure that “persons with disabilities enjoy legal capacity on an equal basis with others in all aspects of life” [7].

According to Russian legal scholars, the procedural legal competence is the ability of any person to have certain procedural rights and carry out specific duties. Authors tend to identify it as is a personal right of each individual.

Legal competence, as L. Tatyana points out, should not be subject to the procedural situation of a person. The author understands minors and persons been declared to be incompetent or of limited competence by a court decision which has entered into effect as those lacking capacity to act. The author argues that inability or limited ability of persons to act on their own behalf should be considered in a broader context. This analysis is tied to a wider concept of an individual in criminal proceedings [5, p. 127].

S. Kurbatova takes into consideration the specific needs of individuals with cognitive disability in criminal procedure concerning particularly the overall effects of its implementation. These should be seen as measures designed to facilitate a deeper common understanding on the importance of human rights. The author focuses on their impact on the possibility of a common legal practice [2, p.62]. The current Russian Code of Criminal Procedure does not provide fundamental legal guarantees for individuals with cognitive disability. Reforming the current Code to ensure the better representation of such persons may raise all sorts of difficult issues, but the aim is clearly the development of a criminal procedure mechanism for individuals with cognitive disability. At the same time, the author considers it necessary to radically revise the current legal procedures according to

the participants' capacity to be fully engaged in the procedures. To that end, the author suggests people's impairments should be taken into account, in the first place their cognitive functions.

I. Potapov [3], L. Tatyana [4], A. Tkachenko and D. Samylkin [6], among others, have all emphasized the importance of taking into consideration the issues associated with cognitive function.

Referring to a recent growing body of Russian and international scientific research demonstrating that conscientious evidence of those questioned during an investigation corresponds to the facts an average of 70 per cent, I. Potapov argues for incompetence of the participants of legal proceedings to objectively assess the current reality, fix and reproduce it as the need arises [3, p. 74].

Using the example of patients suffering from schizophrenic disorders A. Tkachenko and D. Samylkin underline the necessity to make a serious assessment of the participants' credibility on the basis of forensic psychiatric criteria. Various mechanisms of self-regulation accounting for differentiation in the field of legal procedural competence have been offered [6].

However, the participants of the legal procedures act as the bearers of rights and obligations and legal status in doing so they remain above all personalities. The concept brings us to other areas of science beyond legal science. S. Kurbatova underlines the need to take full advantage of modern technologies that shall contribute to achieving the goals and aims of the criminal proceedings, to realization of the rights of the participants and in the long run provide a possibility of full participation of persons with limited capacity to act [1]. The researcher argues that the use of high technology in the criminal procedure law could become an important factor in equalization of opportunities for persons with disabilities in criminal proceedings.

Thus, as person perception and cognition have been developing by natural and social sciences, new areas of scientific research emerge. Those factors should maximize the positive changes in legal science.

Список литературы

1. Курбатова, С.М. Современные технологии как средство реализации прав и законных интересов участников судопроизводства, имеющих ограниченные возможности / С.М. Курбатова // Высоко-технологичное право: генезис и перспективы. Материалы II Международной межвузовской научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 182-186.

2. Курбатова, С.М. Некоторые особенности участия лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве / С.М. Курбатова // Уголовная политика в сфере обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и использования современных технологий. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 62-65.

3. Потапов, И.В. Оценка рисков уголовно-процессуальной недееспособности свидетелей и потерпевших по критерию психического здоровья / И.В. Потапов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 1 (12). С. 74-80.

4. Татьяна, Л.Г. Справедливость приговора суда присяжных (дискуссионные вопросы) / Л.Г. Татьяна // Проблемы укрепления законности и правопорядка в современном обществе. Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции "Судопроизводство в России: история и современность". 2017. С. 14-17.

5. Татьяна, Л.Г. Уголовно-процессуальная дееспособность в структуре личности участника уголовного судопроизводства / Л.Г. Татьяна // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2005. № 2. С. 124-130.

6. Ткаченко, А.А., Самылкин, Д.В. Судебно-психиатрическая оценка уголовно-процессуальной дееспособности больных с расстройствами шизофренического спектра / А.А. Ткаченко, Д.В. Самылкин // Социальная и клиническая психиатрия. 2015. Т. 25. № 3. С. 17-24.

7. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. URL: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html>(дата обращения 01.06.2021).

UDC 364

THE SOCIAL IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC AND INCLUSIVITY

Shmeleva Zhanna Nickolaevna

candidate of science in philosophy, associate professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: shmelevazhanna@mail.ru

Abstract: *The article is devoted the social consequences of the COVID-19 pandemic on the most vulnerable groups of people such as elderly people and children with disabilities. Most international intergovernmental organizations and social movements, addressing issues of inclusivity, pay special attention not only to ensuring the full participation in the social life of the people with disabilities, but also for the elimination of discrimination of any groups who may be vulnerable on the basis of gender, age, ethnicity or national origin, physical capacity and state of health, welfare and life conditions.*

Keywords: *inclusivity, social impact, COVI-19 pandemic, elderly people, children with disabilities, access to information, medical care availability.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 И ИНКЛЮЗИВНОСТЬ

Шмелева Жанна Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: shmelevazhanna@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена социальным последствиям пандемии COVID-19 для наиболее уязвимых групп населения, таких как пожилые люди и дети с ограниченными возможностями. Большинство международных межправительственных организаций и общественных движений, решая вопросы инклюзии, уделяют особое внимание не только обеспечению всестороннего участия инвалидов в социальной жизни, но и ликвидации дискриминации любых групп, ко-*

торые могут быть уязвимы по признаку пола, возраста, этнической принадлежности или национального происхождения, физической работоспособности и состояния здоровья, благосостояния и условий жизни.

Ключевые слова: инклюзия, социальное воздействие, пандемия COVID-19, пожилые люди, дети с ограниченными возможностями, доступ к информации, доступность медицинской помощи.

Currently, most international intergovernmental organizations and social movements, addressing issues of inclusivity, are not only about ensuring the full participation in the social life of the people with disabilities, but also for the elimination of discrimination of any groups who may be vulnerable on the basis of gender, age, orientation, ethnicity or national origin, physical capacity and state of health, welfare and life conditions.

In particular, the Copenhagen Declaration on social development, which refers to a UN report on the establishment of an inclusive society, marked with international obligations for the formation of “a society which would be a stable, safe and just and that based on the principles for the promotion and protection of all human rights and on the principles of non-discrimination, tolerance, respect for diversity, equality of opportunity, solidarity, security and participation of the entire population, in the number of groups and individuals, disadvantaged, and vulnerable groups and individuals”.

The crisis caused by the COVID-19 outbreak affected almost all spheres of society and all segments of the population, but in particular it was disastrous for representatives of the most vulnerable social groups, including the elderly, people with disabilities, people without housing, orphans, and migrants. The problems of domestic violence, especially affecting women and children, are becoming more acute. The number of unemployed people is increasing, and they may also lose their homes. Poor people bear a disproportionate burden from the impact of the crisis on their health and financial situation. If appropriate measures are not taken, the social crisis caused by the pandemic COVID-19 may also increase inequality, discrimination, and unemployment globally, both in the medium and long term.

The elderly people were affected in the following spheres.

Discrimination in obtaining medical care

The perception that COVID-19 is primarily a disease of the elderly exacerbates negative stereotypes about older citizens, which can be seen as

burdensome to society. Age discrimination can have a direct and often disastrous impact the ability of older people to access goods and services, even medical services. In the Madrid International Plan of Action on Ageing, 2002 it is noted that older people may face age discrimination in the provision of health services when it is considered that their treatment is of less value. For example, the lack of ventilators leads to arbitrary decisions based on age. This further increases the mortality rate among this population group.

80% of the victims of COVID-19, for example, in China were citizens over the age of 60. In the United States, 80% of deaths occurred in people over the age of 65. The Italian government has stated that the high mortality rate due to COVID19 is largely due to the fact that the country as a whole has a large proportion of the older population. According to WHO, 95% of coronavirus victims in Europe are over 60 years old.

In order to prevent discrimination of citizens in the provision of health services to them, the UN recommends that such protocols of medical triage of patients be developed, which will be based on evidence-based data, medical and ethical factors, not age. International law guarantees everyone access to the highest attainable standard of health care and obliges governments to take measures to provide health care to all who need it. Despite these problems and high health risks, retired doctors and nurses are actively involved in the fight against the epidemic to support the overburdened health care system in many countries, including the UK, India, Italy, the United States, and France.

Increasing social exclusion

Elderly people are more at risk of contracting COVID-19, especially those suffering from chronic diseases, such as diabetes and cardiovascular diseases. Today, they face not only an increased risk to their health, but also the greater difficulties of living in self-isolation. While social distancing is necessary to reduce the spread of the disease, if not applied correctly, it can also lead to increased social isolation of older people at a time when they need it most support. Such measures to protect the elderly should be applied to them only on a voluntary basis, UN experts say. Many elderly people live in long-term care institutions, nursing homes. People who stay in such institutions have a higher risk of infection and adverse effects of the disease, because they are in close proximity to each other. As a result, many states are forced to take measures such as restricting visits and group activities, which negatively affects the physical and mental health of older people, leads to an increase in their anxiety, tension and isolation. The pol-

icy of restricting visits should be balanced and take into account the possible health risks, on the one hand, and the psychological need for family and communication, on the other hand. In France, for example, after several weeks of a ban on visiting citizens staying in nursing homes, families were allowed to see their relatives with the necessary precautions.

The problem of food security of the elderly

According to the OECD, in the G20 countries, every third elderly person lives alone. These citizens rely on the smooth operation of social services and support at home. To do this, government agencies, public organizations, and health and social service providers must make every effort to continue working in the face of the epidemic COVID-19 and ensure the continuity of their services. Special attention is paid to strategies for providing services to elderly people living alone in rural areas. The activity of volunteers who visit senior citizens who have children is noted. During an epidemic, the level of malnutrition among socially vulnerable groups, especially among pensioners, can increase dramatically, leading to higher mortality rates. Ensuring food security is becoming a key issue for states, and this is especially important in the case of self-isolation of older people. Social services should, where necessary, ensure that food can be delivered to the elderly at home.

In Armenia, with the support of the Red Cross, lonely elderly people are provided free of charge with food, so that there is no the need to visit stores and be exposed to risk. UN experts note that development and humanitarian assistance strategies often do not address the problems of older people, and therefore, due attention is not paid to the issues of financing the costs associated with providing assistance to this population group. Given the higher risk that older people face in the COVID-19 pandemic, strategies should clearly identify and address their needs.

Digital deprivation

A significant proportion of senior citizens lack the skills to work with the latest technologies [1, 2, 3, 4, 5, 12, 13]. The risk that they were educated according to the standards of a different era leads to the fact that this group of people has limited access to information about measures to protect against coronavirus, as well as access to a number of necessary services, which in general can exacerbate the isolation or marginalization of such citizens. The digital deprivation can also affect the ability of elderly people to use telemedicine services or make purchases online, which is often extremely necessary in the face of tough measures for elderly people is compounded by financial difficulties. This needs to be taken into account

by states, to provide information in alternative ways, and to take measures to reduce the digital divide. The remote medical consultations of citizens are conducted by video link; for older people, consultations are also conducted by phone. In the context of the epidemic, solidarity is key for generations, combating discrimination against the elderly and supporting the right of everyone to health care, proper care, access to information, as well as monitoring the implementation of these rights by the state.

The second vulnerable group is people with disabilities and they face the following problems.

The problem of access to social and health services

More than 100 organizations for the protection of the rights of people with disabilities have called for an immediate response from states aimed at meeting the needs of people with disabilities to maintain their health, safety, dignity, independence, and full participation in society throughout the COVID-19 epidemic and related health emergencies.

People with disabilities, even outside the epidemic, often face problems accessing health services. The high risk of COVID19 infection for people with disabilities and the more serious health consequences are compounded by other problems, such as the discontinuation of social services and support measures. Preventive measures against the spread of COVID-19 may be difficult for people with disabilities: some people may have difficulty following the recommendations for frequent cleaning of the premises or even washing their hands. Others may not be able to maintain social distance or self-isolate because they need constant help and support for everyday tasks. The uninterrupted provision of social services during this period becomes particularly important.

The UN recommends that states during the epidemic should:

- strengthen national health legislation and policies;
- identify and remove barriers to the provision of health services for people with disabilities, expand the coverage and accessibility of health care;
- train medical staff on inclusivity, improve the provision of services for people with disabilities;
- provide individuals with disabilities with the opportunity to independently make decisions on their health issues based on informed consent;
- prohibit discriminatory practices in the field of health insurance;

- develop various distant information technologies [6, 7, 8, 9, 10, 11, 14];
- expand research and data collection to monitor, evaluate and strengthen health systems in the context of supporting people with disabilities.

The problem of access to information

In order to provide access to information about COVID-19 to people with disabilities, it must be provided in special formats. Medical institutions should also be physically accessible to people with impaired motor, sensory, and cognitive abilities. The government should be taking special measures to inform citizens with disabilities about the COVID-19 epidemic. It is possible to distribute Braille-printed leaflets to people with visual impairments, sign language newsletters should be provided in the Internet for people with hearing impairments, and illustrated newsletters should be prepared for people with cognitive disabilities.

Problems of children with disabilities

The COVID-19 epidemic poses a particular challenge to the well-being of children with disabilities, especially in the areas of education, health, social and family life. This leads to high levels of stress and disruptions in the normal way of life of children who need a clear daily routine. During the suspension of schools, children with disabilities are more likely to lag behind in learning than their peers, according to an OECD report. The effectiveness of distance education depends on the individual needs of children and the ability of schools to provide individual training [6, 7, 8, 9, 10, 11, 14]. Children also face significant impairments in the provision of therapeutic services, which are critical to support the development of communication and socio-emotional skills and help children cope better at school and at home.

Литература

1. Fastovich, G.G., Kapsargina, S.A. On the development of information technologies in the agro-industrial complex of modern Russia / G.G. Fastovich, S.A. Kapsargina // В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. III International Scientific Conference: AGRITECH-III-2020: Agribusiness, Environmental Engineering and Biotechnologies. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations, 2020. С. 32010.
2. Kapsargina, S., Olentsova, J. Experience of using LMS Moodle in the organization of independent work of bachelors in teaching a foreign

language / S. Kapsargina, J. Olentsova // В сборнике: Advances in Economics, Business and Management Research. Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). Far Eastern Federal University, 2020. С. 537-544.

3. Olentsova, J. A. Distance learning in Russia during the coronavirus pandemic / J.A. Olentsova // Journal of Physics: Conference Series, Krasnoyarsk, 08–09 октября 2020 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. – Krasnoyarsk, Russian Federation: IOP Publishing Limited, 2020. P. 12219. DOI 10.1088/1742-6596/1691/1/012219.

4. Капсаргина, С.А. Information and communication technologies in solving problems of teaching foreign language grammar in nonlinguistic universities / С.А. Капсаргина // Мат-лы I Международной межвузовской научно-практической конференции «Цифровые технологии в юриспруденции: генезис и перспективы». Электронное издание ФГАО ВО Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники». Красноярск, 2020. С. 234-237.

5. Капсаргина, С.А. Information and communication technologies in the process of teaching English in nonlinguistic universities / С.А. Капсаргина // Мат-лы I Международной межвузовской научно-практической конференции «Цифровые технологии в юриспруденции: генезис и перспективы». Электронное издание ФГАО ВО Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники». Красноярск, 2020. С. 238-241.

6. Оленцова, Ю. А. Дистанционное обучение в современной России / Ю. А. Оленцова, А. Е. Оленцов // Проблемы современной аграрной науки: Материалы международной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2020 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 450-452.

7. Оленцова, Ю. А. Дистанционные образовательные технологии как средство мотивации при обучении иностранному языку обучающихся среднего профессионального образования / Ю. А. Оленцова // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 21–23 апреля 2020 года / Ответственные за выпуск Е.И. Сорокатая, В.Л. Бопп. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 228-231.

8. Оленцова, Ю. А. Использование дистанционных образовательных технологий в изучении иностранного языка студентами заочной формы обучения / Ю. А. Оленцова // Ресурсосберегающие тех-

нологии сельского хозяйства: Сборник научных статей. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2019. С. 108-112.

9. Оленцова, Ю. А. Использование системы дистанционного обучения в процессе изучения лексического материала иностранного языка / Ю. А. Оленцова // Социально-экономическая политика страны и Сибирского региона в условиях цифровой экономики: Материалы XII международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию Алтайского филиала Финуниверситета, Барнаул, 18–19 июня 2020 года / под общ. ред. В.А. Ивановой, Т.Е. Фасенко. г. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. С. 174-179.

10. Оленцова, Ю. А. Предпосылки и перспективы развития дистанционных образовательных технологий / Ю. А. Оленцова // Проблемы современной аграрной науки: Материалы международной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2020 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 452-455.

11. Оленцова, Ю. А. Современные информационные технологии как средство повышения мотивации студентов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе / Ю. А. Оленцова // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 16–18 апреля 2019 года. Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2019. С. 336-338.

12. Храмцова, Т.Г. Методические особенности внедрения IT-технологий в образовательный процесс / Т.Г. Храмцова // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития мат-лы XIV междунар. науч.-практ. конф. Красноярск: Красн. гос. агр. ун-т, 2016. С. 175-177.

13. Храмцова, Т.Г. Основные методы и подходы при обучении иностранному языку / Т.Г. Храмцова // Проблемы современной аграрной науки: мат-лы междунар. науч. конф. Красноярск: Красн. гос. агр. ун-т, 2017. С.267-269.

14. Янова, М.Г. Организация самостоятельной работы обучающихся в системе высшего образования, посредством применения дистанционных образовательных технологий / М.Г. Янова, Ю.А. Оленцова // Эпоха науки. 2020. № 24. С. 356-359. DOI 10.24411/2409-3203-2020-12475.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово участникам конференции	3
Секция: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНИ- ТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, СОСТОЯНИЕ	
Барринова С.Г. Идея общего блага и справедливости в учении Аристотеля о праве.....	9
Бармашова Т.И. Истоки формирования девиантного поведения личности в контексте психоанализа.....	14
Богатова Е.В. Достоверность правоприменительных актов: вопросы теории.....	20
Воропаева К.Е. Волонтерство как социально-правовой институт в современной России.....	24
Демина Н.А. Когнитивная уязвимость и рациональность субъекта.....	29
Игнатенко В.А. Основные тенденции социальной политики государства в контексте конституционной реформы 2020 года: теоретико-правовой аспект.....	32
Карташов В.Н. Место и роль юридических принципов в современной правоприменительной технологии.....	39
Кожевников В.В. Особенности правоприменения в правоохранительной сфере и его актов.....	47
Круглова И.Н. К вопросу об антропологической природе «социально уязвимых лиц».....	51
Мелёхин А.И. Изменения в социо-когнитивных процессах для принятия социально-экономических решений в пожилом возрасте.....	55
Навальный С.В. О законодательных и практических мерах по реализации избирательных прав инвалидов.....	64
Наумкина В.В. К вопросу о понятии «лицо с ограниченными возможностями здоровья».....	70
Осина М.С., Бертовский Л.В. Понятие признака: философский и правовой аспекты.....	73
Осипов М.Ю. О некоторых проблемах подготовки юристов с ограниченными возможностями здоровья к участию в уголовном судопроизводстве.....	78

Плетников В.С., Плетникова М.С. Архаичность правоприменительной процедуры уголовно-процессуального закона: необходимость модернизации.....	84
Русаков А.Г., Серeda О.В. Разрешение судом с участием присяжных заседателей гражданского иска потерпевшего от преступления: вопросы правоприменения.....	89
Тепляшин И.В. Участие граждан в осуществлении правосудия: принципы и формы.....	95
Тепляшин П.В. Социально-правовая обусловленность реализации компенсаторного подхода в современной законотворческой и правоприменительной деятельности государства.....	100
Ткаченко А.В. Принципы правоприменения в социальном государстве.....	107
Фастович Г.Г. О мерах государственной поддержки маломобильных граждан: некоторые вопросы теории.....	111
Bershadskaiа S.V. Current research on legal status of participants with special needs in criminal proceedings.....	115
Shmelevа Z.N. The social impact of the COVID-19 pandemic and inclusivity.....	119

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД

Материалы Международной научно-практической конференции

18-19 июня 2021 года, г. Красноярск

Часть 1

Издается в авторской редакции

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03 от 25.09.2003 г.

Подписано в печать 09.06.2021. Формат 60×84/8. Бумага тип. № 1.

Печать – ризограф. Усл. печ. л. 8,25. Тираж 70 экз. Заказ № 65

Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117